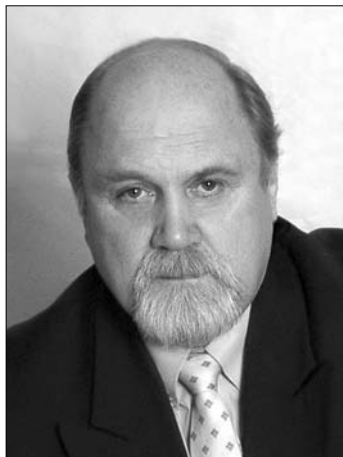

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

РОКИРОВКА

РОМАН

Сущность всякой веры заключается в том, что она придаёт жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Бос Уолиф Рот

Когда ректор университета подписал приказ о переводе сессий МГУ на удалёнку, а также о проведении государственной итоговой аттестации с тринадцатого июня 2020-2021 годов исключительно с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, Сергей Иванович Дубровин, доктор исторических наук, профессор, решил взять давно положенный отпуск и перебраться на дачу.

Перед уходом в отпуск он зашёл к заведующему кафедрой, чтобы попрощаться, но внезапно сцепился с ним по поводу только что прошедшего вчера вечером шоу, посвящённого Украине. В этом шоу коротконогая и самоуверенная ведущая, грозно артикулируя общими фразами, отчитывала

ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ Валерий Александрович родился в 1943 году в Никологорске Ивановской области. Окончил Рижское художественное ремесленное училище, театральное училище им. Щукина, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Виктора Розова). С 1966 года по 1977-й — ведущий артист Московского театра на Таганке. С 1979-го по 1982 год — главный режиссёр академического театра им. Лермонтова в Алма-Ате. Автор нескольких книг прозы. Многолетний ведущий телепередачи “Искатели” на Первом канале. Лауреат Всероссийских конкурсов артистов-чтецов. Секретарь правления Союза писателей России, ответственный секретарь по связям с общественностью РОО МГО СП России, заместитель руководителя международного отдела МСПС. Вице-президент Петровской академии наук и искусств. Заслуженный артист России.

украинского эксперта за два приведённых примера: сопоставление пенсий в Америке и России и сравнение оплаты ЖКХ: в СССР — двенадцать рублей при зарплате в сто пятьдесят пять рублей, и в России — шесть тысяч семьсот пятьдесят рублей при средней зарплате в двадцать тысяч рублей. Больше всего ведущую возмутили не разница в пенсиях, а приведённые украинским экспертом цифры по ЖКХ.

— Где вы выкопали эти цифры? — кричала она. — Я проверю! Завтра же я публично опровергну ваши бредни. Возрождённая Россия, — строчила она словами, как крупнокалиберный пулемёт, — встав с колен, показала всему миру своё новое, преображённое лицо. Не забывайте, в нашей стране всегда было бесплатное образование и медицина, а наши школьники десятилетиями становятся победителями самых престижных конкурсов по математике и химии.

Дубровин, многие годы проработавший в университете, не понаслышке знал положение с бесплатным образованием в нашей стране. А потому заметил, что не совсем убедительный пример выбрала ведущая. Можно было защитить наш строй и экономику, не наступая на “больные мозоли”. Однако неожиданно в ответ получил от прямого начальника такую отповедь, что сорвался и стал высказываться непозволительно откровенно.

— Все эти разговоры, уважаемый Лев Наумович, о том, что нужно возродить Россию, всё больше становятся общим местом. Вспомните, при “бывшем начальнике” нас четыре года “стращали” модернизацией, и где она? И где он сейчас? Появляется на экране с опухшим лицом и дремлет на всякого рода совещаниях. Стал и для соратников, и для покровителей предметом насмешек. А ведь наш электорат, хоть и спит, но одним глазом видит, что происходит в стране. А потом, уважаемый Лев Наумович, что, собственно, возрождать? С такой социальной организацией выполнить эту задачу невозможно, а посему остановить процесс деградации очень трудно.

— Значит, по-вашему, никакого выхода у нас нет?

— Надо перестать воровать, а убить “дракона”, как в Сингапуре, не получается, поэтому за стеклянную банку не выйти.

Дубровин знал, что заведующий кафедрой в последнее время стал очень подозрителен ко всякому “негативному душку” у своих коллег, но в какой-то момент потерял бдительность. Глава кафедры незаметно повернул беседу на опасную тему и спровоцировал Дубровина на откровенный разговор.

Лев Наумович искусно сделал вид, что необыкновенно заинтересован во мнении коллеги и вполне сочувствует настроениям Дубровина. В порыве “искренности” он вдруг задал Сергею Ивановичу незатейливый, но прямой вопрос:

— Вы считаете, дорогой Сергей Иванович, что пришло время окончательно разорвать все отношения с Западом, развернуться вспять и устремиться к бывлым, коммунистическим берегам? Так, что ли?

— Лев Наумович, западные стратеги, относящиеся с симпатией к России, — начал горячо Дубровин, — убеждены, что, сколько бы мы ни оплёвывали коммунистический период нашей истории, как бы ни усердствовали в разрушении того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия всё равно никогда не станет частью Запада. Поэтому они и дальше будут нас дезинтегрировать. И возможностей у них, к сожалению, предостаточно.

— Как видите, санкции на нас не действуют, — с усмешкой парировал Лев Наумович.

— Эти санкции не действуют, вы правы. Но у них есть рычаги посильнее.

— К примеру? Отключат платёжную систему SWIFT? Так этим они уже нас пугали.

— Есть и другие: стоит востребовать краткосрочный госдолг РФ на шестьдесят восемь миллиардов долларов, которым сейчас владеют иностранцы, и при выкупе ЦБ этого долга цена доллара мгновенно подскочит до ста двадцати рублей и нашей экономике мало не покажется. Они этого не делают только потому, что это им невыгодно. Тогда контролировать этот регион

будет, по крайней мере, в десять раз дороже и труднее, чем сейчас. Поэтому я, уважаемый Лев Наумович, для себя вывел свою национальную идею. — Неужели! — рассмеялся Лев Наумович. — И какая она — ваша национальная идея? Как в Сингапуре?

— Нет! Поскольку я не могу победить коррупцию и не вправе отправить за решётку кого следует, моя программа уместается в одну строчку: поменьше врать, перестать воровать, и жить лучше — настолько лучше, чтобы выжить.

После простодушного монолога Дубровина заведующий кафедрой сделал паузу, долго чесал отполированным ногтем блестящую лысину и тихо, чтобы никто не услышал (хотя в кабинете никого не было), сказал:

— Очень неожиданное суждение, Сергей Иванович. Вам, может быть, как никому из нашей кафедры, необходимо основательно отдохнуть. Надеюсь, после отдыха мы ещё с вами поговорим, и вы выслушаете мои очевидные возражения на ваш горячий спич. А пока — до свидания.

Заведующий кафедрой не подал руки и попрощался лишь кивком головы.

Дубровин возвращался домой и всё время ругал себя за свою глупую ребяческую откровенность. “По-видимому, выпадаю в детство”. Он был уверен, что заведующий кафедрой никому “не наступит” и разговор сохранится между ними, но осадок остался тяжёлый, особенно от недружеского прощания.

Дубровин часто удивлялся, что его педагогический ресурс, который в прошлом, в советское время весьма ценился, теперешним руководством воспринимается весьма прохладно. А ведь ему было чем гордиться. Если составлять некое резюме по преподавательской деятельности Сергея Дубровина, то можно представить весьма внушительный список.

Начало работы на историческом факультете: 1981 год. В 1977 году окончил исторический факультет МГУ. В 1977–1980 годах обучался в аспирантуре. С 1981-го по 1991 год работал на историческом факультете МГУ в лаборатории истории русских городов, в 1991–1993 годах в лаборатории истории советского народа в период правления Сталина, а в последнее время занимается историей старообрядчества и его роли в Октябрьской революции.

И при том в течение многих лет оставался профессором Московского университета.

...Был воскресный майский день. Рассказав жене о неприятном разговоре с заведующим кафедрой и наскоро собрав вещи, Дубровин вместе с супругой сел в машину. Они отправлялись на дачу.

* * *

Нина, жена Дубровина, была почти на тридцать лет моложе Сергея Ивановича. Это был его второй брак. С первой женой он долго жил, не расписываясь, пока та, потеряв надежду вытащить его из России, не уехала жить за границу. Детей у них не было, и расставание произошло по “идейным соображениям”.

Вторую жену Сергей Иванович очень любил. Познакомились они на одной вечеринке у друзей, когда Нина заканчивала МГПУ, но прежде чем жениться, они два года встречались. К сожалению, жена из-за пиелонефрита не смогла стать преподавателем. Благодаря хрупкому телосложению и природной младолкости, Нина Семёновна все годы совместной жизни сохраняла очень привлекательный вид. Раскосые зелёные глаза, стройная фигура и какой-то матово-белый цвет кожи придавали ей вид лебедушки. Иногда в порыве нежности Дубровин называл её Снегурочкой.

Однако отсутствие желаемых обоими детей вносило в семейную жизнь серьёзные размолвки и даже ссоры. В своё время энергичные попытки супругов через ЭКО решить проблему беременности ни к чему не привели. Со временем эта беда тяжёлым психологическим грузом легла на их отношения, омрачая брак... Но и к этому они со временем привыкли.

Уже много лет раз в неделю Нина ездила в Центральную библиотеку, где работала корректором, брала кучу материалов на дом и, отредактировав их,

возвращала. Ей приходилось проверять пополнявшуюся картотеку библиотеки, всевозможные папки с текстами, требовавшие аккуратного и безошибочного прописывания данных, сверенных с архивными документами и издательскими материалами.

Этот ставший привычным за годы службы распорядок неожиданно изменила нагрянувшая пандемия. Безжалостный услужливо доставленный в Москву коронавирусу сломал привычный ритм жизни и работы в любимой библиотеке. Многие её знакомые из числа сотрудников библиотеки стали поочередно болеть и даже умирать. Тогда она решилась взять отпуск. А когда муж ушёл работать на удалёнку, а потом в отпуск, Нина и вовсе уволилась. Тем более что ей неожиданно пообещали с августа работу на почте в местном посёлке рядом с дачей.

А когда коронавирус “прикатил” и в Подмоскowie, Дубровины решили этой напасти объявить войну и даже выработали свою стратегию: не поддаваться панике, заняться всерьёз обустройством дачи и занять какую-нибудь живность. После серии обсуждений пришла идея завести кур.

Сергей Иванович позвонил знакомому (местному торговцу стройматериалами), и вскоре, в обход полиции, бортовой грузовик привёз на участок столбы и сетку-рабицу. Толстый, не в меру говорливый водитель, сгружая привезённый товар и осматривая участок, заметил:

— Вам теперь для охраны хозяйства собака понадобится. ООН недавно сообщила, что скоро повсюду, как в “гражданку”, голод начнётся, разный свирепый люд по деревням шнырять будет, а у вас — собака! Небось, побоятся за курами охотиться, если на участке появится злой пёс. Так что совет мой: заведите какого-нибудь алабая!

Сергей Иванович, услышав такую тираду об ООН, вначале удивился, а потом, внимательно присмотревшись к водителю, спросил:

— Вы в школе историю проходили?

— Ну, а как же, — самоуверенно улыбнулся водитель, — по истории у меня всегда “пятёрка” была.

— Тогда послушайте меня, — начал Сергей Иванович, отличавшийся профессиональной привычкой “прочитать мозги” студенческой аудитории. — И в России, и в СССР был “разный голод”, — начал он, прищурив глаза и пристально глядя на собеседника. — Голодали и во времена благословенных царей, и во времена решительных генсеков. Но, повторяю, — это был разный голод. До революции он был следствием стихийных бедствий, примитивности хозяйственного механизма, отсталой экономики. Практически исчез к тысяча девятьсот тринадцатому году. С первых лет революции новая власть старалась не допустить голода, боролась со спекуляцией и мародёрством, понимая, что не только взрослых, но и детей надо учить и кормить. Вспомните хоть книжку “Республика ШКИД” — её-то мы все в детстве читали.

На последней теме Сергей Иванович внезапно остановился и, внимательно посмотрев на водителя, неожиданно спросил:

— Кстати, вас как зовут?

— Артём Петрович Ломченко, — неохотно откликнулся водитель.

— Вы кто по национальности?

— А что? — насторожился гость.

— Так, для удобства разговора.

— Украинец. Из Черниговской области. А что?

— Так вот, Артём Петрович, от голода гибли у нас не только в “гражданку”, но и позже, вплоть до тридцатых годов. Сегодня украинское руководство упрекает Россию, что именно мы — русские — принесли голод на Украину. Так вот, голод 1932-1933 годов начался далеко за пределами Украины и охватил огромную территорию Советского Союза: Центрально-Чернозёмный регион России, Поволжье, Северный Кавказ, Казахстан, Западную Сибирь. Вместе с Украиной голодали около ста миллионов человек, или шестьдесят процентов всего населения Советского Союза.

У Артёма Петровича округлились глаза, и он с удивлением уставился на Сергея Ивановича.

— Вы что — историк, профессор? — спросил он.

— Я всю жизнь, с вашего позволения, занимаюсь историей, — скромно отозвался Сергей Иванович.

— Я смотрю, память у вас отменная, — уважительно добавил водитель. — Я люблю, когда в словах есть объективность, а то по “ящику” только и слышишь, что мы, украинцы, ни к чему не пригодны. А о России молчок, словно здесь давно коммунизм построили, — с иронией сказал Артём Петрович и, посмотрев на часы, неожиданно заключил:

— Значит, судя по вашему выступлению, голода у нас не будет. А что же тогда ООН? Просто пургу гонит, испугать нас хочет?

— Это не пурга, это у них работа такая — через свои подконтрольные организации “переживать за человечество”, — с усмешкой ответил Сергей Иванович.

— Значит, голода не будет? — ещё раз переспросил водитель и почему-то перекрестился.

— Голода не будет, но трудности, конечно, будут, даже большие трудности, — рассудительно отозвался Сергей Иванович, перекладывая привезённый товар под навес.

— Как в девяностых? — хитро улыбнулся водитель и сбросил с кузова последний рулон сетки-рабицы.

— Как в девяностых, не будет, зачем нам блатной феодализм, пора от разграбления к созиданию перейти. Вот коронабесие пройдёт, и, надеюсь, найдём новый путь.

— Неужели социалистический? — торжественно и с нескрываемой надеждой проговорил водитель.

— А что, возможно, и социалистический. Иначе, как сказано в Библии: “К ветхой ризе не приставляют заплаты новой, потому что от этого дыра делается только больше”.

— Да уж куда, с кем из своих ни поговоришь, всё о распаде страны говорят.

— Надо умных “своих” иметь, тогда не придётся отчаиваться. Успокойтесь, Артём Петрович, вскоре счастливая пора начнётся. Единственное, что опять не получится, — мы не “увидим небо в алмазах”, придётся подождать, — с весёлой интонацией подытожил Сергей Иванович.

— Конечно, можно и подождать. Главное, чтобы на небе эти звёзды — наши были. Вот хоть казните, профессор, но приятно с умным человеком помечтать. А то сидишь дома, водку пьёшь, с женой теребишься да на “ящик” косишь, где или один “винегрет” дают, или сериалы гонят. Невольно всякая дрянь в голову полезет.

— Какая, если не секрет?

— Какая? А самая простая: всем вместе... — Артём Петрович сделал паузу и лукаво закончил: — запеть “Дубинушку” и призвать к...

На последних словах он притормозил, подбоченился, но вдруг, чего-то испугавшись, замолчал, испытующе глядя на Дубровина.

Сергей Иванович всё понял и, не раздумывая, продолжил:

— Вы, кажется, недоговорили слово “революция”? Запеть “Дубинушку” — и ухнуть. Так что ли?

Водитель кивнул головой и почему-то во второй раз снова перекрестился.

— Не будет никакой революции, — отчеканил Сергей Иванович. — Народ судлся, как замурзанный футбольный мяч. Восстановлению не подлежит. А вот если ему предложить по-настоящему стратегический план, в который он поверит, то тогда всё возможно.

— Вы имеете в виду новое президентское послание? — спросил водитель.

Сергей Иванович посмотрел на жену, на Артёма Петровича, хотел было что-то сказать, но отделался только одной репликой:

— Я не об этом.

Возникла неловкая пауза, но, к счастью, следующие слова водителя вывели всех из оцепенения:

— Всё, мне пора, время подошло! Я ещё в одно место должен захватить. — Он надел на лицо повязку и с трудом начал забираться в кабину

грузовика. Сев в машину, водитель высунулся в окно и с горечью заметил: — У меня на Украине почти всех родственников голод забрал, до сих пор не могу простить это москалям. Ну, да ладно, надо ехать. Если что-нибудь потребуется для хозяйства, звоните шефу. Для вас я, несмотря на всю эту хрень, всё, что хотите, привезу.

Водитель неожиданно открыл дверь, снял перчатку, нагнулся к Сергею Ивановичу и протянул ему большую пухлую руку. Рукопожатие было коротким, но торжественным. Пожимая руку, Сергей Иванович хоть и смущённо, но добавил:

— Я хочу вам на прощание, Артём Петрович, доверительно заметить, что если уж выбирать наиболее пострадавший в ту пору от голода народ, то печальная пальма первенства у москалей, а точнее — у великороссов.

Он пристально посмотрел на водителя и уточнил:

— Нельзя, уважаемый Артём Петрович, делить людское горе по национальности. Мы один народ, и ни у кого из нас нет национального превосходства.

— Согласен! — воскликнул Артём Петрович. — Мне нравится, как вы думаете, профессор, ещё раз спасибо вам.

— И вам спасибо, — отозвался Сергей Иванович и добавил: — Если нам в хозяйстве что-нибудь понадобится, я обязательно позвоню. До свидания.

— Звоните! Звоните! — переключая включённый двигатель, кричал водитель, довольный, что его прогноз о голоде в “гражданку” вызвал интерес и что получился такой содержательный разговор. Он в последний раз кивнул головой, помахал на прощание рукой, и грузовик медленно поехал со двора...

Нина во время разгрузки всё время была рядом и слышала весь разговор. Когда машина выехала, и муж закрыл ворота, она с удивлением спросила:

— Серёжа, как тебя на всё хватает? Посторонний человек, а ты целую лекцию устроил. Засиделся ты дома, голубчик, по студентам соскучился. Человек уже уезжает, а ты ему вдогонку проблемы национального превосходства объясняешь. Каждый раз удивляюсь, откуда у тебя этот оптимизм? В стране пандемия, а ты геройствуешь.

— Откуда, откуда... — обиженно пробурчал Сергей Иванович. — От папы! — Дубровин закинул под навес последние металлические столбы и глубоко задышал, с удовольствием оглядываясь на двор, теплицу и баню. — Отец мой, хоть и был военным человеком, но в нём жил поэт: наизусть знал Пушкина, Некрасова, даже Сашу Чёрного иногда декламировал. В детстве по вечерам нам с братом читал на ночь “Песню о Соколе” Максима Горького. У него была поговорка, которую я затвердил с пятого класса. Сложности в ней никакой не было, но смысл был: “Любить красоту и совершенство легко. Для того же, чтобы воспринимать человека в его трогательном несовершенстве, нужны терпение и любовь”... Ты видела, как попрощался этот Артём Петрович?..

— Да уж, видела: приручил ты его своей лекцией, — жена поправила на шее слипшиеся волосы мужа. — А вот о собаке он верно сказал. Пса бы хорошего нам не помешало бы. Только не алабая — не прокормишь.

Сергей Иванович молча кивнул, посмотрел на свои небольшие, теперь грязные руки и напористой походкой ещё не старого человека пошёл ополоснуться в хозблок, куда с прошлого года был подведён водопровод.

Дело с устройством птицефермы двигалось на удивление быстро. Вскоре общими усилиями с соседским умельцем Васей были сделаны курятник и широкий вольер. В близлежащей деревне Григорьевское жена Сергея Ивановича купила восемь голландских кур, чуть позже оттуда же доставили красавца петуха Дормидонта породы “феникс”. С этого момента жизнь птицефермы закипела.

Май оказался холодным, ветреным и рекордно дождливым. Дубровины день за днём отодвигали поездку за рассадой. Когда перевалило за середину месяца, решили, что откладывать больше нельзя, и созвонились с Верой — матерью хозяина теплиц, и договорились о встрече. Ехать было недалеко: через мост, на другую сторону реки Мутенки.

Перед выездом Дубровин долго осматривал противоположный берег: боялся, что и там может дежурить полиция. Эти охотники за мздой без чувства вины и сожаления рыскали по всем районам и по любому поводу с каким-то азартным удовольствием взымали штрафы с перепуганных пандемией людей.

Земля на другой стороне Мутенки была уже не московской, а тульской. В последние семь лет этот район застроили множеством теплиц, которые издавна напоминали широко разлившуюся реку. Территория эта когда-то принадлежала одному из самых богатых колхозов области, но после распада Союза владельцы здешней первоклассной земли постоянно менялись.

Вначале кто-то “безвестный” выращивал там картошку. Пошли слухи, что арендатором является певица Пугачёва. Якобы она, потеряв голос, ударилась в бизнес. Судачили, что ей пришлось на ум торговать чипсами. К этому слуху добавились “косвенные доказательства”: как раз в это время на картофельном поле двое пьяниц-охранников в сторожке крутили день и ночь магнитофон с её песнями. Когда бизнес Пугачёвой провалился, как снег на голову, появились китайцы. Где Китай, а где Подмоскovie, однако вдруг, как блохи из-за пазухи, под неумолчный лай собак прискакали и забегали по полям и окрестностям азиаты, прозванные народом “поднебесные шанхайцы”. Их было несметное количество, все они казались на одно лицо и при этом выглядели одержимыми и недобрыми. Неожиданно по родным и без того разбитым дорогам начали колесить старые вездеходы, затарахтели ржавые, дымные тракторы...

Едкий запах китайской еды стелился над деревней, так что жители, особенно дачники, морщились и чертыхались. Приезжие “кочевники” соорудили десятки теплиц, начинили землю какими-то удобрениями и бойко принялись торговать огурцами, помидорами и капустой. Для поливки своих угодий китайцы огромными насосами качали воду из местной реки. Полнокровная Мутенка стала мелеть, так что даже деревенские ребятишки забросили ходить купаться.

Всё это китайское нашествие из-за народного терпилова, казалось, будет продолжаться вечно. Однако недоумевающие жители соседних деревень, наконец, с трудом, но проснулись и запротестовали. Инициаторы устроили общую стрелку с трёхчасовым базарным матом. Но существованием было то, что двое из этой группы обратились с петицией к начальству, которое, как шептался народ, негласно, за немалую дань, охотно поддерживало новое, теперь уже китайское иго.

Однако на шанхайцах борьба за свою землю у местных жителей не закончилась. Вскоре в эти края с барабанным боем и плясками набежали ещё одни залётные — дагестанцы. Года два они тоже вгрызались в местную землю, сажали в теплицах разное, вплоть до кинзы, тмина и лаврового листа. Позже развели овец и коз, которые самонадеянно паулись по всему деревенскому раздолью. Но и кавказский вариант вскоре сдулся. Пришло новое племя — незнакомое и жизнестойкое. Неожиданно развесёлым табором нагрянули молдаване. Это племя оказалось на редкость крепким и спаянным. В рукопашном бою они вытеснили оставшихся китайцев, а затем, хоть и с трудом, бесстрашно вышибли и дагестанцев.

Васька-умелец, глядя на все эти баталии, однажды философски заметил: — Только и слышу по телюку о национальной идее. И всё время о патриотизме говорят. Какой патриотизм, когда у нас национальной идеей стало “моя хата с краю”. Как бы над нами ни издевались, мы не готовы объединиться, чтобы дать отпор, мы не можем сообща решить ни одной проблемы, интересы каждого оказываются важнее коллективных. Вот, к примеру, вместо того чтобы построить дорогу в нашу деревню, для многих селян и дачников проще как-нибудь наполнить кубышку и купить хоть захудалую, но машину. Мы стали трусливы, боимся кавказцев. Кавказцы без всяких раздумий готовы вступить за брата в любую минуту, а у нас в России миллион примеров, когда человека публично избивают, а прохожие просто отворачиваются. Вырастили беспомощных, пьющих людей, которые на русских-то перестали походить. Сейчас подняли зарплату полиции, так они теперь нас вообще

за людей не считают. Вчера у моего племянника отобрали водительские права. Он выпил, и его готовы были за деньги отпустить, но какие деньги у русского человека? Деньги у кавказцев, а у русского человека — долги да “Бессмертный полк”, где наших дедов раз в году показывают. Для русского человека всегда была национальной идеей справедливость, но помнят о ней только тогда, когда власть к выборам готовится.

Здесь Васька-умелец сделал паузу и решительно закончил:

— Вот был бы Сталин, он бы уж точно за нас заступился. А в результате что получается: хозяев сюда заносит разных, а русские всё время внакладе остаются. Единственное утешение: не дай бог, третья мировая начнётся, тогда уж мы непременно пригодимся.

В отличие от китайских и дагестанских урожаев, молдавская продукция, особенно огурцы и помидоры, была действительно хороша. И что интересно, коренные жители, ленившиеся в последние годы всерьёз заниматься землёй и, как правило, пользующиеся автолавкой райпо, с этим народом и их товаром сжились и охотно обращались к молдаванам за свежими продуктами. Вот к этим самым молдаванам за рассадой и поехали Дубровины.

Договорившись заранее по телефону, Вера и Нина во время встречи быстро отобрали рассадку, расчитались и стали прощаться. И вдруг Нина в небольшой картонной коробке заметила чернявого щенка с белыми подпалами и изогнутыми, как у породы хаски, бровями.

— Это кто же такой красавец? — восторженно спросила Нина, нагнувшись к щенку.

— Наш, — с гордостью отозвалась Вера, маленькая женщина, похожая из-за залызанных волос и бусинок-глаз больше на бурятку, чем на молдаванку.

— Серёжа, — окликнула жена Сергея Ивановича, — посмотри, какой красавец.

Сергей Иванович вылез из машины, покрепче натянул шляпу, норовившую от порывов ветра улететь с седеющей головы, снял с лица санитарную повязку и подошёл к коробке, откуда на него с нескрываемым любопытством уставился щенок. “Кого-то он мне напоминает?” — подумал Дубровин, но тотчас отвлёкся на умиляющуюся жену.

— Ой, какой хорошенький, какая мордочка! — повторяла она, глядя щенка. — А что за порода?

Вера показала на лежащую неподалёку собаку и деловым тоном сообщила:

— Вот его отец, он чистый “немец”! А вот та — рыжая, которая рядом в ногах валяется, его мать! Она — дворняга гулящая. Год, как прибилась к нам, теперь всеми кобелями хороводит. Они из-за неё здесь друг друга в ключья рвут. А этот, — Вера указала на щенка, прыгающего в коробке, — богатырь. Этот в отца, здоровым псом будет.

— А можно его нам?

— Да хоть двоих берите, — насмешливо ответила Вера, указав ещё на одну коробку.

Нина со сверкающими глазами повернулась через плечо к мужу за поддержкой:

— Серёжа, давай возьмём, в хозяйстве пригодится.

Сергей Иванович что-то пробурчал, мол, “собаку берут не для хозяйства, а для души”, и вдруг, решительно взяв коробку, понёс её в машину. Щенок, протестуя и попискивая, всё время пытался выбраться из коробки, мешая Сергею Ивановичу завести машину. Помогая мужу, Нина принялась руками удерживать взбунтовавшуюся собачку.

Сергей Иванович механически рулил по расхлябанной дороге. Оглядываясь по сторонам — нет ли полиции, он всё время пытался вспомнить, кого же напоминает ему этот чернявый кутёнок. Но так и не вспомнив, приехал на дачу. Вскоре он уже сооружал для нового жильца свой угол.

Затем наступило самое интересное — они с женой принялись придумывать щенку имя. Но кроме Рекса и, по предложению жены, Барсика, в головы Дубровиным ничего не приходило. Тогда Нина позвонила своей

приятельнице, у которой была дочка Юля, умная и приветливая девочка. Юля отрицательно отнеслась к кличке Барсик, назвав это имя кошачьим, и предложила назвать героически — Марсом! Мать Юли, филолог по образованию, узнав “национальность” щенка, рекомендовала кличку Герман. Правда, заметила, что раз уж пёс — “немец”, надо непременно записать его имя с двумя “н” в конце.

Когда все входящие в голову клички Сергеем Ивановичем были отвергнуты, внезапно в памяти шевельнулось что-то далёкое, счастливое и беззаботное. В ту же минуту в его сознании что-то щёлкнуло и переключилось. Раскрылся блёклый горизонт, ярко засияло солнце, и тотчас всплыло имя собаки, которая была у него в детстве. Кличка того пса звучала сказочно — Принц! Красавец щенок был сыном лучшей тогда в Латвии восточноевропейской овчарки Бритты, неоднократной чемпионки республики по экстерьеру и потомству. Бритта была красивой, но возрастной мамой, и этот, последний её помёт был в алфавитном порядке на букву “П”.

Когда на семейном совете тринадцатилетний Серёжа предложил назвать щенка Принцем, вся семья дружно согласилась. Одобрение было закономерным, поскольку к тому времени Сергей стал признанным кинологом.

* * *

Дубровин предполагал существование международного заговора с целью сокращения населения Земли и догадывался, что такие всемирные организации, как ВОЗ и МВФ, в которые вступило большинство государств, оказывают давление, чтобы их члены подчинились этому заговору.

Конечно, самым лучшим шагом было бы для России, считал он, выйти из этих организаций, но как говорится, “коготок увяз, всей птичке пропасть”.

Вместе с тем, как бы справедливо и шумно ни возмущались противники вакцинации, как бы ни твердили о всемирном заговоре, однако становилось всё очевиднее, что “специальные люди”, умело дёргающие за верёвочки всякого рода правителей-марионеток и красиво играющие на дудочке, подталкивают человечество под причитания о гражданской ответственности и искусственно нагнетаемую панику шагать вслепую по неизвестной дороге. Более остальных на пути “принудиловки” отличается кампания, развёрнутая средствами массовой информации, особенно телевидением, которое подняло ремесло растления духа на уровень крупной индустрии.

* * *

Дубровин вспоминал детство, потому что оно теперь, с высоты прожитых лет, казалось ему ликующим и прекрасным. Тогда его окружал другой мир, другой воздух, много света, радости и надежд.

Но был один поступок, который и сегодня представлялся ему вызывающим и даже преступным. Этот проступок он помнил всю жизнь.

В шестьдесят шестом году, когда класс взбунтовался против своего преподавателя и пытался его поменять на другого, Сергеем пришла мысль отреагировать на противостояние с дирекцией. Проснулся революционный дух, и потянуло на подвиги. На небольших преёскурантных листочках мастерской по ремонту обуви Сергей написал листовки с лозунгами: “Уберите бездарную учительку Багрову”, “Школьник имеет право на голос”, “Класс — против, дирекцию — на дыбу” и разбросал их в своей школе.

Через неделю ученика пятого класса двадцать седьмой средней школы Сергея Дубровина “вычислили”. Позже он узнал: оказывается, КГБ провёл в школе специальный диктант и по почерку установил, что “революционером” и автором листовок является сын военного, фронтовика Ивана Петровича Дубровина. Вскоре отца вызвали куда следует. Пробыв весь день “по вызову”, он вернулся домой и выпорол Сергея широким ремнём от портупей.

Матери, не спавшей все эти дни, как-то утром признался: “Заступился военный округ. Учили, что защищал Сталинград”.

Тем не менее, оценивая сегодня своё прошлое, Дубровин всё-таки гордился тем мальчишкой, которому, по ниспосланному предназначению, суждено было стать историком, профессором университета и к тому же, как ему казалось, приличным человеком.

Наплывавшая волна воспоминаний горячо обогрела Сергея Ивановича, и, хотя он и проклинал себя за выходку с листовками, всё же не без удовольствия думал: “Каким чёртом был, ничего не боялся!”

На самом деле все эти “реминисценции” имели серьёзную психологическую причину. Дубровин остро чувствовал, что нынешнее “заточение”, названное услужливыми современными психоаналитиками “цивилизацией смерти”, несмотря на все его попытки вырваться, схватило за горло и намеренно оттаскивает от чего-то важного, что он до сих пор так и не сделал. И это “важное”, что определяет существо мужского характера, настойчиво и инстинктивно созревало у него внутри, требовало поступков, которые, по мнению некоторых людей, он совершить не способен. Даже такая значимая часть его жизни, как работа над книгой о расколе, которую он вчерне написал и уже полгода как редактировал, не двигалась вперёд, и ему казалось, что книга получится только в том случае, если что-то изменится в нём самом. Впрочем, он чаще всего успокаивался одной мыслью, услышанной ещё от отца: “учись у прошлого, живи сегодня, надейся на завтра”.

Конечно, нельзя сказать, что у Сергея Ивановича всё валялось из рук, и хандра безраздельно завладела им. Поначалу долгожданный отпуск был в радость, появились хозяйственные интересы: развели с женой кур, наладили очистку воды из скважины, благоустроили территорию.

Вскоре дача стала напоминать небольшое имение с домом и баней, рядом с которой под возведённым навесом теснились электрокосилки, хозяйственный инвентарь, мешки с кормом, пять кубометров берёзовых дров и разная домашняя утварь.

Нина настолько втянулась в новый быт, так увлеклась деревенской жизнью и хозяйством, что вскоре, казалось, сбросила с десятков лет и похорошела, как деревенская барышня.

У Сергея Ивановича всё было наоборот. Привычка полжизни пропадать в университете, читать лекции, быть окружённым пристальными и благодарными глазами студентов сменилась плохим настроением и хронической усталостью. Сократились даже телефонные звонки, в результате чего не с кем было даже просто безответственно поболтать. Поэтому после первого, майского месяца деревенской жизни у него возник банальный вопрос: что делать?

И вот в этой однообразной, сменяющей день за днём атмосфере ранним утром раздался неожиданный телефонный звонок. Звонил старый друг, преподаватель МПГУ Александр Орлов, давно “без вести пропавший”, но не забытый Дубровиным. Разговор был коротким и каким-то скрытно-таинственным.

Одним словом, внезапно воскресший друг, заверив, что помнит адрес, поскольку в начале строительства дачи он бывал в гостях и даже помогал финансово, попросился на несколько дней приехать в гости. Дубровин, зажав трубку, незаметно пошептался с женой и дал согласие. А про себя подумал: будет хлопотно, но повеселее.

Орлов был непростым человеком: в годы учёбы Дубровин с ним часто встречался на разных симпозиумах, вечерах и сабантуях, до хрипоты спорил и даже ругался, когда тот слишком наседали. Сашка Орлов уж точно не был чьей-то копией, он был оригиналом, и дружить с ним в молодости считалось даже престижным. Кличка у него среди историков была “Овод” — из-за рубца на щеке, густого чуба, смелого характера и общей мужской привлекательности. Правда, в молодые годы серьёзное увлечение футболом обошлось ему дорого: в шестнадцать лет, играя за молодёжную команду страны, он сломал ногу. С тех пор Орлов во время ходьбы почти незаметно подволакивал её.

Он был студентом-отличником, вокруг него всегда кучковалась шумная компания, много красивых девушек, среди которых в своё время Дубровин встретил и свою будущую жену.

...После звонка Орлова прошло несколько дней. Как вдруг он без уведомления о приезде подкатил ранним утром к даче Дубровина на такси. Гудки машины хоть и не разбудили Дубровиных, но застали врасплох. Сергей Иванович торопливо набросил старую куртку и бросился к воротам, решив пропустить машину на участок. Но увидев, что Орлов приехал на такси, удивился.

— Привет, привет! — обнял он Орлова.

— Не ждал? — с улыбкой, сразу напомнившей прежние времена, воскликнул Орлов и, пожав руку, тотчас стал выгружать из машины разную поклажу. Его с трудом можно было узнать: теперь он носил бороду, закрывающую привычный в молодости шрам, отличительный чуб поседел и поредел, и выглядел он обеспокоенным, словно что-то забыл при отъезде.

— Ты что, от Москвы на такси приехал? — не без удивления спросил Дубровин.

— Да, прямо из Москвы. Знакомся, — кивнул в сторону водителя Орлов, — мой друг Арнольд. Между прочим, хороший поэт.

Водитель Арнольд вышел из кабины, смущённо улыбнулся в ответ на прозвучавший в его адрес комплимент и поздоровался с Дубровиным.

С крыльца громкими возгласами приветствовала Орлова Нина, наспех надевшая ситцевый халатик. Лицо у Орлова засияло, и он, вскинув высоко вверх руку, крикнул:

— Иду, иду!

В следующую секунду он стал спешно прощаться с водителем, что-то наговаривая ему на ухо. Проводив беспокойными глазами такси, Орлов начал вместе с Дубровиным деловито распределять поклажу. Это были пакеты, набитые разной снедью.

— Арни торопится, — стал он быстро объяснять причины отъезда поэта-таксиста. — У него жена беременна, вот-вот родить должна. Он славный, безотказный парень и неплохой поэт. Я помог ему издать книгу, а он, как видишь, иногда меня подбрасывает в знак благодарности. Ну, что, — засмеялся Орлов, с удовольствием разглядывая Дубровина, — пошли знакомиться с Николаем Ивановичем.

Когда они двинулись в сторону дома с тяжёлыми пакетами, стало заметно, что Орлов, как и прежде, принадлежит на правую ногу, стараясь делать это как можно незаметнее.

— С каким Николаем Ивановичем? — удивился Сергей Иванович.

— Шутка! — засмеялся Орлов. — Старая шутка Попова, нашего доцента по филологии. У Чехова в рассказе “Крыжовник” есть герой — Николай Иванович. Да ты помнишь, помещик, ну, который в своей усадьбе до одури крыжовник выращивал. Помнишь?

Сергей Иванович сделал вид, что вспомнил студенческую шутку доцента Попова и, распахнув калитку, пропустил гостя первым. Войдя во двор, Орлов окинул взглядом участок и торжественно изрёк:

— Ну, брат, вы даёте! Да у вас здесь целое поместье. Рай на пятнадцати сотках.

— Чуть больше, но это уже неважно, — с удовольствием отозвался Дубровин и добавил: — Самое интересное, что и кусты крыжовника у нас есть. Правда, пока ещё зелёные. Крыжовник хорош в середине июля.

Орлов с набитыми провизией пакетами неторопливо шёл к дому и всё время восторженно оглядывался. Увидев устроенный вольер с курами, он и вовсе обомлел:

— Это что, и яйца свои у вас есть?

— Есть, — не без гордости ответил Сергей Иванович. — С утра по одному сырому пью.

— Bravo, Серёжа! С умом всё сделано. Не ожидал. Ты, вроде, в молодости никогда хозяйственным не был?

— Сам не знаю, как получилось, — скромно отозвался Дубровин и пропустил гостя в дом.

Жена уже успела сменить халат на брючный костюм и, радушно улыбаясь, пошла навстречу Орлову.

— Слушай, Нина, — с неподдельным удивлением воскликнул Орлов, разглядывая женщину, — да ты совсем не изменилась! Как это тебе удалось?

Орлов с искренним восхищением буквально воззрился на Дубровина и одобрительно замотал головой.

— Ай-я-яй! Так же хороша, какой была, когда я с тобой познакомился. Помнишь, в общежитии?

Нина смущённо повела плечами, словно говоря: “Что поделать — сама удивляюсь”. Восторженная оценка Орловым её внешности бросила Нину в краску, и это ещё более подзадорило гостя.

— Помнишь, как я тебе декламировал, когда ты впервые появилась в нашей компании?

Орлов встал в позу и баритоном процитировал знакомую отповедь Арбенина жене Нине из лермонтовского “Маскарада”:

*Послушай, Нина... Я рождён
С душой кипучею, как лава.
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С её потоком встретиться! Тогда...
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слёз и сожаленья,
Две наши жизни разорву!*

Гость пришёл в восторг от того, что не забыл строки, и весело захохотал, глядя на зардевшуюся Нину.

— Прости, что тебя смутил, — вдруг заговорил он смиренно и тепло. — Но ведь всем нам было в те годы замечательно хорошо. Я тогда встречался с Ленкой Тарасовой. Слышал, что укатила в Америку, вышла замуж и преуспевает. Сколько планов, мечтаний, сколько влюблённости было друг в друга... Да и время было — не чета нынешнему. Но да ладно!

Орлов начал разворачивать привезённые пакеты и складывать на стол продукты. Тут были сыры и колбасы, бутылки пива и водки, шампанское и, наконец, довольно увесистая баранья нога, которой он стал размахивать, как булавой.

— Помните, какие у нас пиры были? — закричал он в восторге. — Пол-общежития на запах сбегалось!

Вдруг из перемотанного жгутом длинного свёртка он ловко за цевьё вытащил красивое охотничье ружьё и, как бы взвесив его, обеими руками энергичным жестом протянул Дубровину.

— А это тебе, дорогой старый друг Серёжа, мой подарок. В свёртке разные патроны, хоть на кабанов. Времена непростые, вскоре, говорят, разбойного люда прибавится, так вот: если охотиться не получится — ружьё поможет дом охранять.

Он вложил в руки растерянного Сергея Ивановича ружьё и с умилением уставился на его недоумённое лицо. Дубровин смущённо проговорил несколько слов благодарности и задал совсем нелепый вопрос:

— А где держать этого зверя?

Орлов быстро взял у друга подарок, оглядел всю веранду и, заметив округлённый металлический овал полки, повесил на него за ремень ружьё и тут же приспособил рядом патронташ.

— Вот, теперь совсем другой интерьер! Кстати, здесь может быть охотничий угол с всевозможными экспонатами, рогами и шкурами.

Дубровин, наконец, пришёл в себя и, выпалив решительное “спасибо”, пригласил гостя за стол. Вскоре ранний завтрак превратился в ранний обед. На столе, помимо привезённого съестного, появились доставленные из подвала прошлогодние “закрутки на зиму”. Гостю понравились и грибы, и овощной салат, а солёные огурцы под водку с особым запахом тмина, сделанные по рецепту Екатерины Второй, и вовсе покорили расчувствовавшегося Орлова.

Когда мужчины “дошли до кондиции поговорить”, Нина оставила их и пошла заниматься хозяйством.

Неожиданно Орлов вспомнил свою любимую цитату Льва Толстого, слышанную от него Дубровиным ещё в студенческую пору: “Мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться, и содействовать ему”.

— Когда я перешёл в школу, я это движение почувствовал непосредственно. В МГПУ, где я проторчал целых пятнадцать лет, мне было трудно, не пришлось по вкусу ректору, а после одного разговора он и вовсе меня выжил.

— И чем ты его разгневал?

— Китайцами! Он — экономист из породы тех, кто назавтра узнаёт, почему не произошло то, что он предсказывал вчера. Предполагая, что я историческая посредственность, ректор стал мне доказывать, что китайская модель, хотя и наиболее оптимальна и устойчива, но в России, в силу образовавшегося у нас союза правящей элиты и монополий, китайский путь невозможен.

— И что тут неверного? На мой взгляд, всё обстоит именно так.

— Вот и ты на эту удочку попадаешься. Но пойми, Серёжа, при нашей системе и наращивании ошибок коллапс неизбежен.

— С чего ты взял? Наша вооружённая до зубов “телега” хоть и будет отставать, но ехать сможет ещё долго.

— Ошибаешься! Поскольку наши олигархи никогда не допустят альтернативных теорий, то нарастание системных кризисов до состояния коллапса становится неизбежным. Вопрос состоит только в том, какое поколение мы воспитаем и кто будет у власти на пике кризиса. Если это будут умные, любящие свою страну и знающие, как её развивать дальше, люди, то тогда мы обретём будущее. Если этого не произойдёт, тогда ты окажешься прав: наша телега, хоть и отстанет, но ехать будет. Только куда? Без нового поколения — в никуда.

— Не согласен! — воскликнул Дубровин. — А остальных, кончивших советскую школу, ты что — за людей не считаешь?

— Не горячись, Серёжа, вспомни, какую муштру проходили мы в пору нашего студенчества. Мы же были готовыми советскими продуктами. За малым исключением, нас уже невозможно было переделать. Советская школа — это не Лицей Пушкина. Ничего не хочу сказать: образование у нас действительно было отменное, но шляпка гвоздя именно советского образования торчала у нас в голове ещё со школы. Другое дело — работа в школе сегодня. Сегодня, если не лениться и любить своё дело, из наших ребят постепенно можно вырастить племя устойчивое, сильное и нравственное. Незнакомое, а вполне надёжное. Этакое племя будущего. — Орлов подлил Дубровину водки, и тот, машинально выпив, уставился на Орлова, как на гипнотизёра. — Да, живём бедно, со скрытой буржуазной идеологией, молимся либеральному божку, всё время оглядываемся, какие санкции будут следующими, продукты питания — и те на восемьдесят процентов импортные, — продолжил Орлов. — И что в результате? Почти двадцать миллионов живут практически за чертой бедности. Что делать, спрашиваю я?

Последние слова Орлов выкрикнул, словно с трибуны, и ударил кулаком по столу. Наконец, он сделал паузу и надолго уставился в окно, и Дубровин заметил, что на глаза у него навернулись слёзы. Но уже через минуту, оторвавшись от окна, он принялся говорить ещё с большим энтузиазмом.

— Ну, и что же делать? — переспросил Дубровин.

— Что делать? Прежде всего, не глазеть, а видеть. Совершенно очевидно, что после переворота 91-93 годов, в сравнении с Союзом, идёт последовательная и непрерывная деградация. После второго места среди развитых стран скатились на двенадцатое... Поэтому нужны настоящие демократические реформы, новая стратегия развития. У меня в школе было родительское собрание. На собрании к внучке пришла бабулька и говорит: “Жалею об одном, об СССР. Была когда-то и человеческая жизнь, а при нынешних бандах-чиновниках и руководстве разных мастей народ в России в основном

нищий как материально, так и духовно. Церковь — это крупный обман. Да и Россия стала нищей”.

И знаешь, как она закончила: повернулась к ребятам и говорит: “Только на вас и рассчитывать, вырастете — верните нам нормальную жизнь”. Вот, Серёжа, как простые люди думают. А что для этого надо сделать, Серёжа? Для этого нужны мы! Мы обязаны научить их, повысить уровень образования и в среднем звене, и высшей школе.

Молчавший до сих пор Дубровин решил, наконец, взять слово.

— Саша, ты говоришь и горячо, и верно. Но это ещё поддела. Помимо демографических причин, которые, на мой взгляд, являются доминирующими, есть ворох других.

— Каких? Просвети? — И Орлов уставился на Дубровина своими черневыми, нетрезвыми глазами.

Дубровин вскинул левую ладонь и стал на ней по порядку сжимать пальцы.

— Первая причина: снижение базового уровня образования. Если бы ты знал, с какими ошибками абитуриенты пишут диктанты и сочинения на вступительных экзаменах, ты бы пришёл в неописуемый ужас.

— Да я и у себя в школе это вижу, — согласился Орлов.

— Вторая причина: реформирование системы образования и переход на Болонскую систему. Это, на мой взгляд, главная проблема. На Западе Болонской системой нужно было подтягивать до приемлемого уровня образование детей прибывших в ЕС мигрантов из государств третьего мира. А мы куда поёрли, имея лучшее образование в мире? Ты понимаешь, Саша, к сожалению, мы получили поколение с клиповым сознанием: у меня на лекциях по истории полное отсутствие аналитического мышления. И заметь главное: кому-то такое население нужно, хочется, чтобы наш обнищавший народ ещё и походил на панургово стадо.

Видно было, что Орлову понравилась приподнятая патетика Дубровина. Он заулыбался, настроение его стало жизнерадостным и даже смешливым.

— Вот ты — замечательный историк, — весело заговорил он. — Слушаю тебя и радуюсь, почти со всем согласен. Но почему ты засел в деревне, как в берлоге?

Орлов посмотрел в окно, увидел копошившуюся в теплице Нину, недовольно поморщился и продолжил:

— Развёл хозяйство, крыжовник и кур, слышал, что ты всерьёз занимаешься старообрядчеством, а где же: “...Отчизне посвятим // души прекрасные порывы”? Дубровин, скажи правду, ты и впрямь старовер? — Сергей Иванович обернулся к стене, на которой висела небольшая репродукция.

— Это, Саша, портрет моего прапрадеда Ивана Дубровина, написанный в тысяча восемьсот тридцатом году. Он занимал выборные должности в Приказе общественного призрения, а за крупные пожертвования был избран членом Императорского Человеколюбивого общества. Так что есть в кого.

— Ах, вот как! Значит, человеколюбивые предки заскреблись в подкорке, — захохотал Орлов и хлопнул друга по плечу.

— Не только в подкорке, сам ведь видишь, какое хозяйство.

— Да, дом у тебя хороший. И жена на загляденье. Но ведь закопали вы себя здесь.

— Почему? И отсюда многое видно.

Дубровин подсел ближе к Орлову и со смешливым прищуром заговорил:

— Вот ты, Саша, настаиваешь на необходимости изменения образования, на необходимости другой экономики, вспомнил даже Лицей Пушкина, где был другой тип воспитания. А между тем, при Николае Первом в тысяча восемьсот пятьдесят втором году случилось следующее: лицеист Александр Аксаков был направлен с экспедицией Мельникова-Печерского в Нижегородскую и другие губернии для исследования раскола. После экспедиции по трём губерниям этими двумя исследователями неожиданно обнаружился в экономике царской России новый тип хозяйствования.

— Это какой же, капиталистический? — заёрничал Орлов.

— Послушай, это тебе будет интересно. Царь действительно радовался народжению капиталистического уклада, тому, что воплощается гражданское право, а на самом деле в староверческой среде, которая к этому времени вырослась до двадцати процентов населения, развивался совсем другой тип хозяйства. И знаешь, какой?

— И какой же? — с интересом спросил Орлов.

— А тот, с которым Россия столкнулась после Октябрьской революции. Ты понимаешь, Саша, социалистический уклад уже сидел внутри Российской империи. Она уже была беременна той моделью, которую потом большевики назвали советской. Эта модель совсем не была нацелена на получение прибыли, а работала для нормального удовлетворения человеческих потребностей.

Орлов откинулся на спинку стула и с удивлением уставился на Дубровина.

— Так, интересно! — воскликнул он. — И до чего ты докопался ещё?

А Дубровин не останавливался. У него горели глаза, и говорил он уверенно, словно о недавних событиях и близких людях.

— Ты знаешь, эти староверы — удивительная порода людей, для них социальная функция является главной задачей, а не коммерческой целью, их хозяйства между собой не конкурировали, а их отношения строились на солидарной основе: нужно помогать друг другу. Как в социалистической экономике предприятия не конкурируют друг с другом, так и у них было нечто подобное. Так что ты напрасно обвиняешь меня, что я “засел в берлоге” и ничего, мол, не делаю. Нет, Саша, отсюда, из деревни, можно увидеть то, что трудно понять в сутолоке московской тусовки.

— Ты пишешь книгу? — уверенно сказал Орлов.

— Не я — другой историк. Я поддержал его статьёй.

— И что — “демократическая общественность” небось завопила?

— Да, он получил инфаркт и умер. Я иду по стопам. Пишу книгу, но ещё не время её публиковать.

— Почему? — удивился Орлов. — Как раз время собирать камни!

— Ты думаешь, олигархи и их друзья — либеральные идеологи, — все, как один, глядящие в сторону Запада, оставят это без внимания? Сегодня только у правнуков революционеров есть привилегия учить русский народ уму-разуму. Правда, теперь у них другая программа, истинная и от века: деньги, водка, секс и никакой духовности! Один поэт разнёс их и подобных им ещё в царское время.

Дубровин сделал паузу, приноровился и стал читать:

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.*

— Тютчев! — воскликнул Орлов. Он сжал кулаки, заёрзал в кресле и вдруг крепко пожал Дубровину руку. — Молодец! Я знал, что ты всегда был моим единомышленником. Пью за тебя, Серёжка, за вашу семью. Надо бы вам и деток, конечно, — кольнул он в больное место. И тут же, спохватившись, перевёл разговор:

— Знаешь, Серёжа, в своё время я подготовил диссертацию на тему “Имперское образование XVIII-XIX веков”, но не защитил. Тогда не получилось, а теперь и возможности нет. Сегодня всем моим оппонентам кажется, что в то время образование было посредственное. Ничего подобного. Только вдумайся, в старших классах осваивали “семь свободных художеств”: грамматику, диалектику, риторику, церковное пение, арифметику, землемерие, включавшее сведения по геометрии и географии, и звездознание, то есть

астрономии. Домашнему хозяйству обучали уже на практике... Ты, конечно, помнишь, что в 1811 году состоялся первый набор в Императорский Царско-сосельский Лицей. Это поразительно, за шесть лет мальчикам из знатных семей давались энциклопедические знания. Особое внимание уделялось отечественной истории и “русскому языку”, который в гимназиях того времени практически не изучали. Ты помнишь однокурсника Пушкина, нашего коллегу историка Модеста Корфа?

Дубровин охотно кивнул, потому что любил этот период в истории становления Пушкина.

— Я мысли Корфа выучил наизусть, — Орлов потянулся, точно готовясь выступить со сцены. — И заметь, всё просто и по-человечески. — Он с вдохновением стал цитировать Корфа, словно каждой новой мыслью забывая очередной гвоздь: — “До самого конца для всех продолжался какой-то общий курс, полугимназический и полууниверситетский, обо всём на свете: математика с дифференциалами и интегралами, астрономия в широком раз- мере, церковная история, даже высшее богословие — всё это занимало у нас столько же, иногда и более времени, нежели правоведение и другие науки политические. Выпускники главных училищ могли сдать экзамен на звание учителя”. Ты знаешь, Сергей, что для меня главное в приведённой цитате?

Орлов уставился на Дубровина, ожидая ответа.

Дубровин сделал паузу и, улыбнувшись предложенному вопросу, ответил:

— Ну, наверное, что курс был полугимназический и полууниверситетский?

— Нет, друг мой, там была, в этом николаевском веке, свобода. Можно было на уроках говорить обо всём. Вот почему тогда выпускники имели возможность сдать экзамен на звание учителя. Теперь по секрету: я в своей школе незаметно начал вводить такое образование на своих уроках. Без преувеличения скажу: моя отвергнутая диссертация стала воплощаться на практике.

Орлов сделал паузу, предложил снова выпить за Дубровина и восторженно продолжил:

— Ты не можешь себе представить, как мои ребята секут сегодня, что происходит вокруг. Я от них ничего не скрываю и говорю прямо, что мы уже много лет живём в атмосфере великого, общероссийского культурного погрома. Главными целями избраны великие русские литературные классики — Пушкин, Достоевский, Толстой, а в качестве основных методов применены очернение, поругание и издёвка. Параллельно русское культурное поле засеивается откровенным чертополохом: мат, nepотребство, извращения, непристойности, садизм, мазохизм, дьявольщина. Театральные режиссёры развели на сцене такую бесовщину, что народ оторопь берёт. Но самым удивительным в этом натиске на нашу культуру остаётся полная безучастность властей и фактическое попустительство погромщикам. Серёжа, ты понимаешь меня? У нас катастрофическая морально-правственная ситуация в стране. Ужас в том, что эта лоботомия проводится с нацией изобретателей, народом, главным для которого является справедливость.

Орлов сделал паузу, и вдруг у него навернулись слёзы. Он достал затёртый носовой платок и крайней частью стал протирать лицо. Приободрившись, улыбнулся, прокашлялся и заговорил другим тоном:

— И тем не менее, Серёжа, я верю, что мы должны воспрянуть, — почему-то зашептал он. — Не может же быть, что весь наш век мы будем жить под рукой у бесов. Как говорил Шекспир: “Я тысячу планов отнесу на завтра: ничего не поздно”. Я на своих уроках, помимо курса по истории, рассказываю о современных событиях, людях в истории литературы, архитектуры, музыки, кино, театра, а также о народных традициях.

— А как на это смотрит педсовет, начальство? — неожиданно спросил Дубровин.

Орлов сделал паузу и зло ответил:

— Как? Плохо! Отвратительно! Меня, Серёжа, еле терпят. Я как бельмо в их глазах. Есть пара человек сочувствующих, но поддерживают они меня на словах, а так в основном помалкивают. Как мои ребята шутят: “СС” разгулялось в стране. “СС”, Серёжа, — это сон и страх. Они сковали страну

и особенно в последнее время. Идёт зачистка. Это и моих воспитанников коснулось.

— Ох, Сашка, напялят на тебя шутовской наряд, и потеряешь работу, — с грустью сказал Сергей Иванович.

— А ты знаешь, я пе-ре-бо-ял-ся! Я живу по принципу: “Мой гроб ещё шумит в лесу. Он — дерево. Он нянчит гнёзда”. Мои ребята — это мои гнёзда. Будем откровенны: треть новых учебников по истории России написаны по социальному заказу американского миллиардера Сороса. Эти учебники лгут. Их идеологическая направленность очевидна: принизить роль России и советского общества в мировой истории. В результате учебный процесс заставляет меня вдабливать битву русских с динозаврами тому, кого любишь, и главное — тем, кто завтра будет строить эту страну. Пойми, им нельзя врать, у них особая мембрана в ушах: враньё чувствуют мгновенно. Вот почему я от них ничего не скрываю и говорю: в настоящей России, как утверждает один академик с проницательными глазами, механизм экономического роста блуждает в трёх соснах. Поэтому, ребята, думайте, что делать дальше. Это ваша страна, и если вы не решите, что делать, то будете все виноваты. Поверь, я никогда не говорю о революции, о свержении власти, это дело народа и времени. Я говорю об эволюции, но такой, чтобы её видно было невооружённым глазом. Теперь я хочу перейти к главному, Серёжа: почему я так настойчиво попросился к тебе в гости.

Орлов опять перешёл на тихий регистр и заговорил с обидой и злостью:

— Ещё в марте две тысячи семнадцатого года я со своими ребятами был участником митинга “Он вам не Димон”. Так вот, меня задержали, оштрафовали на десять тысяч рублей, а потом я получил письмо от администрации школы с информацией, что якобы человек с судимостью не может работать в школе. На самом деле ограничения в педагогической деятельности предусмотрены только для людей, осуждённых по статьям УК. А по мне такого решения нет. Потом директор школы в личной беседе намекал, что может уменьшить учебные часы. А я ответил, что хорошо знаю Трудовой кодекс.

Орлов опять сделал паузу, посмотрел по сторонам и заговорил снова:

— Ты знаешь, Серёжа, у нас в стране идёт череда каких-то важных событий. Они подталкивают к анализу, к разного рода глубинным оценкам... Расследования и митинги Навального, события в Хабаровске, связанные с арестом Фургала, — всё это со всей очевидностью показало огромный запрос на справедливость и демократические перемены. Стало очевидным, что Россия может стать обществом колоссальной внутренней солидарности. Пойми, я социалист, а не либерал, вместе с тем я за то, чтобы “расцветали сто цветов, и соперничали сто школ”. В поступках Навального кто-то увидел пример бесстрашия и мужества, другие были настроены скорее отрицательно — платный агент, а власть вместо того, чтобы вспомнить старую мудрость: “никогда ничего прямо не позволять и никогда ничего прямо не запрещать”, — к сожалению, стала играть мускулами. Я начал со своими ребятами готовить новый митинг. Подключился к тем, кто добивался, чтобы митинг был санкционированным. Не скрою — пару раз на собраниях выступил так, что мне устраивали овации. Одним словом, засветился. И вот тут мне сообщили, что готовится мой арест. За что, спрашивается? Я призывал к свержению власти? Нет. Призывал к революции? Тоже нет. Я — за следование букве закона: за демократию, за права человека, за нашу Конституцию, где закреплено право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования. Всё это есть на бумаге и для народа, а на деле этого народа боятся. Они же рубят сук, на котором сидят, забывая про эффект бумеранга.

Он остановился, достал платок и стал вытирать пот с лица и шеи, потом закурил и долго молчал.

— Два дня назад мои ребята окружили меня и настояли, чтобы я уехал, обещали справиться без меня. Но! Но буквально перед отъездом к тебе я узнал, что моих ребят тоже вычислили и почти всех намерены арестовать. Теперь пойми моё положение: я трусливо скрылся, повлиять ни на что не способен, а их схватят, как только они выйдут на демонстрацию.

— И что же ты предлагаешь? — напряжённо спросил Дубровин.

Орлов сделал очередную паузу, ближе подвинулся к Дубровину и тихо сказал:

— Выручи, Серёжа.

— Как? — выдохнул Сергей Иванович.

— Сергей!.. — продолжил Орлов, глаза его покраснели, он прерывисто дышал, а руки вцепились пальцами в клеёнчатую скатерть. Стоявшая на столе серебряная рюмка на тонкой ножке вдруг пошатнулась и медленно повалилась набок. В воздухе запахло спиртным. Но Орлов на это не обратил внимания. Он ещё пристальнее нацелился на Дубровина, передавая ему и навалившуюся озабоченность, и страх за своих ребят.

— Серёжа, я знаю, что ты смелый и мужественный человек. Друг мой, старинный друг мой, надо поехать в Москву по адресу лидера моей группы и сообщить им то, что я узнал перед отъездом. Их надо остановить, иначе это плохо кончится. Их посадят в СИЗО, а там и до тюремных сроков рукой подать. Повторяю, ситуация резко изменилась. Наши силовики взяли курс на подавление оппозиции любой ценой. Поэтому, Серёжа, выручай!

— А почему бы тебе попросту не переговорить по телефону? — неожиданно спросил Дубровин.

— Я не могу рисковать. Возможно, телефоны прослушиваются. Они всех активных засекали ещё с митинга “Он вам не Димон”. Своим телефоном я не пользуюсь. Вот он, — Орлов выложил телефон на стол, — “симку” я выбросил. Мне доверительно передали хорошо осведомлённые люди: ребята на коротком поводке, все прослушиваются. Я и тебе звонил с чужого телефона. Дубровин, повернувшись, посмотрел в сторону вольера, где жена рассыпала корм по двум деревянным кормушкам.

— Но я никого из твоих ребят не знаю, — с растерянным лицом начал Сергей Иванович, — как они меня воспримут, станут ли слушать и не примут ли за провокатора...

— Серёжа, — оживился Орлов, — ты передашь от меня записку по одному адресу. А там всё проще: сработает наша цепочка, и тебя выведут на Виктора Попова и Алёшу Сокольников. Вот им ты всё и расскажешь.

— Что именно? — развёл руками Дубровин и уставился на Орлова.

Орлов нервно вскинул плечи и торопливо, помогая себе руками, начал набрасывать предстоящий разговор с его подопечными.

— Главное, чтобы они побереглись и ни в коем случае в этот раз ни в чём не участвовали. Мне сказал человек, которому можно доверять, что моих арестуют, как только они появятся на демонстрации. А на главарей — Алексея и Виктора — заведено дело. Их схватят в первую очередь, — он передохнул и уставился на Сергея. — Серёжа, ты ничем не рискуешь: тебя не знают, не засекали в нашем кругу. У тебя задача несложная. Ты вручишь записку одной из родительниц и на словах перескажешь наш разговор. Главное, надо категорически запретить им высываться. Народу там и без них будет достаточно. В этот раз мои должны переждать. Нельзя, чтобы они были арестованы. Ну, что ты молчишь, Серёжа? — оглушительно воскликнул Орлов.

В этот момент со двора вошла Нина и, видя, что разговор в самом разгаре, прошла в другую комнату.

— Я, во-первых, не молчу, Саша, я удивляюсь.

— Чему? — откинувшись назад, спросил Орлов.

— Я думал, что ты приехал повидаться, отдохнуть, а ты прибыл, чтобы втянуть меня — профессора университета, по возрасту никак не тянущего на народовольца, — в весьма опасную историю. Ты как это себе представляешь, Саша? Я еду на своей машине в Москву, появляюсь там, где установлена, как ты говоришь, слежка, и меня сразу по номерам вычисляют. Затем со всей прямой, на какую они способны, позвонят в университет Льву Наумовичу, с которым у меня перед отъездом был аналогичный разговор, и сообщат начальству, что их коллега — Сергей Иванович Дубровин — вовсе не ушёл на удалёнку, а связался с молодой революционной гвардией, которой не угоден этот режим? Ты знаешь, что будет дальше? Лев Наумович

с удовольствием напишет докладную, и меня уволят даже не в двадцать четыре часа, а гораздо быстрее.

Орлов сделал попытку возразить, но Сергей Иванович вскинул руку и резко сказал:

— Стоп! Я тебя долго слушал, Саша. Теперь послушай меня. Ты что, не понимаешь, что из благих побуждений вознамерился подставить своего старого друга? Не понимаешь или, как говорят в народе, прикидываешься? — Голос Дубровина зазвенел резче и громче, слова его долетали и в другую комнату, где находилась Нина. — И потом, почему ты выбрал меня, живущего в ста километрах от Москвы, находящегося в законном отпуске, укрывшегося здесь от пандемии и не желающего лишний раз иметь дело с этим режимом? Почему попросту не позвонить кому-нибудь из них, наиболее влиятельному, и всё, что ты мне здесь рассказывал, бесстрашно передать по телефону? Я знаю, что ты мне ответишь: телефон может прослушиваться, и ты не хочешь засвечиваться. И ты для себя прав! Это совершенно естественно — ты не хочешь рисковать собою, но при этом готов рисковать другими.

Дубровин всё больше входил в раж, так что последние слова он уже почти выкрикнул. Через паузу он заговорил спокойнее и прямее.

— Нет, в чём-то я с тобой согласен. Думаю, что наша страна всё больше склоняется к социалистической идее. Она вроде бы потерпела крах, но сегодня в нашем обществе всё время идёт разговор о справедливости и социальном государстве. В своей работе со студентами я нередко этой темы касаюсь. Но пойми меня, Саша, я не персонаж из романа Гюго “93-й год” и не бывший священник Симурден. Я не хочу идти на баррикады, я не слепой, чтобы думать — если упереться лбом в стену, то она, благодаря моим усилиям, рухнет. Не рухнет! Эта власть после обнуления будет у руля ещё дюжину лет. — Дубровин сделал паузу и добавил: — Я тебе всё сказал. — Но вдруг ему показалось, что этого мало, и он с удвоенной энергией продолжил: — Только что с тобой приезжал таксист, говоришь, твой должник, ты ему помог опубликоваться... Почему ты его об этом не попросил? Ведь это так всё просто — передать записку родителям каких-то Виктора и Алексея, предупредить их, что на митинге двенадцатого июня нельзя быть, потому что их появление грозит им арестом. И всё — дело сделано, твои ребята спасены, и ты выполнил свой долг. Почему ты это поручение не возложил на привезшего тебя таксиста?

— Потому что этот Арнольд такой же трус, как и ты, — закричал Орлов и вскочил из-за стола. — Но у него хотя бы есть причина: у него каждую минуту может родиться сын, и он не хочет ничем рисковать.

В этот момент на веранде появилась Нина. Лицо её было неузнаваемо. Она зло посмотрела в сторону Дубровина и, повернувшись к Орлову, с вызовом произнесла:

— Саша, тебе не надоело его уговаривать?! Я его хорошо знаю. Он не поедет! — Она сделала паузу и вдруг спокойно сказала: — Поеду я! — Пренебрежительно посмотрев на мужа, Нина добавила: — Я договорюсь с соседом, заплачу ему деньги, и он отвезёт меня в Москву. Ну, а дальше, как вы здесь говорили: постараюсь, не засвечиваясь, переговорить с родителями и с этими Витями и Алексеями. Ты прав, ребят надо удержать и спасти. Времени немного, двенадцатое июня уже на носу, поэтому выехать надо завтра.

Возникла напряжённая, бездыханная тишина. Через долго длившуюся минуту Орлов внимательно посмотрел на Дубровина, потом на Нину, шумно выдохнул, словно после тяжёлой работы, и сказал:

— Спасибо, Нина. Спасибо, что ты меня поняла.

Он взглянул в окно и предложил:

— Я смотрю, у вас на участке тент хороший. Давай, Нина, посидим там и всё обсудим.

Нина мельком взглянула на мужа, кивнула Орлову в знак согласия и пошла вперёд, захватив с вешалки цветастый кардиган. Орлов достал из висевшей на спинке кресла куртки сигареты и пошёл вслед за Ниной... На ходу обернулся к обескураженному Дубровину и небрежно бросил:

— Прав философ: “Не говори другу того, что не должен знать твой враг”.

Как ни раздосадован был Дубровин, он крикнул вдогонку направившемуся во двор Орлову:

— Есть и другие философы, Саша, не безымянные! Категорический императив Канта гласит: “Каждый человек есть цель в себе и не может быть средством для чего-то или кого-то”.

Дубровин остался на веранде один, а Нина и Орлов уже подходили к овальному столу во дворе с зелёными пластмассовыми креслами и большим зонтом над ними.

Орлов, подвинув Нине кресло и присев рядом, закурил. Он ощущал острую потребность объяснить Нине своё поведение.

— Нина, я чувствую себя виноватым из-за того, что затеял этот разговор. Дело в том, что я сорвался из Москвы почти молниеносно. Мне позвонил знакомый знакомого из “органов” и предупредил, что, если я не исчезну хотя бы на время, меня заберут. Кто-то настучал, что я с ребятами готовлюсь к демонстрации. Я решил никому не звонить — вдруг телефон прослушивается? В МГУ, на кафедре, я узнал телефон Сергея. После чего на неделе позвонил вам с другого номера, чтобы напроситься в гости и хоть на время укрыться. Сергей, к счастью, согласился. Ты знаешь, да и хотелось к вам — как говорится, “и воробей не живёт без людей”. А тут подвернулся Арнольд, который согласился меня довезти. Ну, и поехало. Всё было наспех, никого не удалось предупредить... А по дороге мы разговорились о твоём Сергее, и мне пришла в голову мысль подключить его. Вы живёте далеко, на “обочине”, — кто узнает, что я здесь? Почти двадцать лет не виделись. И вот что вышло! Глупо и обидно. Я выгляжу каким-то провокатором. Наверное, мне придётся уехать. Прости, но Сергей стал совсем другим человеком.

Нина взглянула на веранду, где Дубровин громко включил радио. Там послышалась торопливая речь одного надоевшего политэксперта. “Всем известно, — вещал он сорванным голосом, — что двенадцатого июня готовится митинг. Пусть каждому станет ясно, что весь материал телекомпаний, которые решат вести трансляцию, будет внимательнейшим образом отсмотрен. Мы и раньше видели, чего эти люди хотят для Москвы и для России: они впрямую призывают к изменению конституционного строя вооружённым путём. А это уголовная статья. Мы слишком хорошо знаем, к чему приводят такого рода действия и кто за ними стоит. Мы это видим на примере Майдана. И не они здесь должны диктовать свои порядки, а народ Российской Федерации, который выбирает свою власть законным путём, законными методами. И последнее: не надейтесь, в России власть сильная”.

Потом слышно было, как Дубровин приглушил звук, а затем и вовсе выключил радио.

Перегрузившись спозаранку спиртным, давно отвыкший от серьёзных доз алкоголя Сергей Иванович прилёг на диван и стал, вполголоса чертыхаясь, ругать себя за высокомерие и попытку “набить себе цену” перед давно знакомым человеком, убеждения которого хоть и не до конца, но в чём-то самом важном всё-таки были ему очень близки.

“Разница между нами только в том, — неожиданно сформулировал он, — что я все свои проблемы и претензии к властям предерживаю “кричу в себе”, а Орлов “строит баррикады” со “своими Гаврошами” и мечтает, чтобы что-то изменилось”.

Вот тут Дубровин мысленно обратился к себе любимому, вспомнил свой принципиальный и бессмысленный разговор со Львом Наумовичем на кафедре и сам же себе ответил: “К сожалению, ничего не получится. Эта власть надолго, рушить её — себе дороже. Если страна развалится, и наши услужливые “партнёры” начнут рвать её на куски, вот тогда — мало не покажется”.

Он вспомнил, как однажды на новогоднем вечере в университете одна студентка (из тех, о ком говорят, что в тихом омуте черти водятся) процитировала стихотворение про улитку, из которого Дубровин запомнил несколько строчек:

*В бархатном нежном футляре хочу засыпать,
Будто забытая вещь, театральная штучка,
Бусинка либо перчатка.
Буду с тобой разговаривать по ночам,
По телефону во сне сиять.*

“В сущности, большинство бузотёров, — прикидывал Дубровин, — в конечном итоге хотят, как эта улитка, засыпать дома, “в бархатном нежном футляре” и “будто забытая театральная штучка, по телефону во сне сиять”.

Единственное, что его разозлило, это поведение Нины. “Чего ей не хватает? Живёт, как оладейка в меду... А тут приехал мужик с бородой, и её сразу повело. Выпендрилась, чтобы меня уколоть... Ну, ничего, прочищу мозги, одумается”, — прикидывал он, внезапно почувствовав, что засыпает от пережитого и выпитого.

Нина сбегала в дом и на подносе принесла початую бутылку водки, кофе, пирог собственного изготовления и красивые перламутровые чашки.

— Так, с чего начнём? С кофе или продолжишь? — спросила она.

— Если ты выпьешь со мной, тогда продолжим.

— Нет, Саша, ты забыл, я ведь не по этому делу.

Она подвинула к нему серебряную рюмку, бутылку водки, а себе налила кофе.

С востока из-за густого ивняка высоко выкатило солнце. Было не жарко, но солнечные лучи били прямо в глаза. Нина обеими руками перекрыла зонтом горизонт и уселась рядом, сложив руки под подбородком и внимательно глядяваясь в Орлова.

— Ты изменился. Борода делает тебя старше... и опаснее. Все революционеры носили бороды.

— Сталин не носил, — отшутился он. — И собирался лично сбрить бороду Кагановичу.

— Дома-то как?

— Дома один. Разошёлся. Она с детьми. У меня ведь их двое. Младшенькой пять лет.

— Ну, ты даёшь, Орлов. А чего расстались?

— Влюбился в другую.

— Я так и подумала.

Она осторожно потрогала его седые виски и тихо добавила:

— Как там было: седина в голову, бес в ребро. А у нас детей так и не получилось. Теперь уж и не получится.

— Молчи! — Орлов осторожно прикоснулся к её руке и тихо произнёс:

— Иначе я пожалею, что вас познакомил.

Она с трудом улыбнулась, посмотрела в сторону и, услышав неподалёку барабанную дробь дятла, неожиданно сказала:

— Вот им легче: “Птица поёт не потому, что у неё есть ответ. Она поёт потому, что у неё есть песня”. А у тебя, Орлов, какая песня — революция? Что тебя не устраивает, Саша?

— Тебе ответить с научной точки зрения или с житейской? — с лукавой улыбкой уточнил Орлов.

— С обеих точек, но только доказательно. Вот своего Дубровина я понимаю. Он — историк, так сказать, научный работник. У него сейчас любимая тема — старообрядцы. Практически мы с ним обыватели, поэтому никуда не лезем. Перед отъездом сюда он повздорил с заведующим кафедрой, так три дня не мог прийти в себя. Ему мерещится, что его уволят, и мы останемся без куска хлеба на одной пенсии. А что тебе не даёт покоя?

— С научной точки зрения всё просто. Объясняю тезисно, как учёный. В течение четырёх миллиардов лет правила существования жизни на планете не менялись, всё живое подчинялось законам естественного отбора и органической биохимии. Но сейчас наука заменяет эволюцию с помощью разумного замысла. Замысла не Божьего, а человеческого. Если не урегулировать этот вопрос, крошечная группа людей захватит Землю и превратит нас в рабов. А теперь с житейской точки зрения. Я чувствую, что сейчас назревает

время, когда вот-вот встанет вопрос о принципиальных для страны целях. Такие большие государства, как Россия, просто не могут существовать без цели. А цель моя проста: на яблоне гнилого либерализма привить просвещённый патриотизм, уважающий личное достоинство и свободу человека.

Глаза Нины округлились, и она весело рассмеялась.

— Сашенька, даже Мичурину это не удалось бы.

— Мичурину не удалось бы, а нам позарез нужно. И потом, по праву нашей Конституции мне это не запрещено.

Он чуть подумал и добавил уже серьёзно:

— Для этого нам всем надо собраться с силами и найти другой способ существования. Ты знаешь, у меня абсолютная уверенность, что это необходимо сделать как можно быстрее. Более того, я уверен, что сотни тысяч людей это понимают не хуже меня. В стране почти двадцать миллионов нищих, и власть, не сумевшая за тридцать лет сделать свой народ счастливым и процветающим, не имеет права управлять этой страной. Она должна мирно, не огрызаясь, уйти в отставку. Сегодня ты своей поддержкой меня просто окрылила. В принципе, дело не такое сложное, но его надо сделать. Пойми, я не боюсь, я давно перебоюсь, но у меня на хвосте слежка. Сегодня силовые структуры очень серьёзно работают с внутренними очагами протестов, причём как со стороны поиска активистов, групп, сообществ, так и в плане финансирования. В школах, университетах, подразделениях государственной службы действуют информаторы, поэтому любые проявления антивластной позиции пресекаются в самом зародыше. Но я верю, что ты не испугаешься, съездишь и спасёшь моих ребят.

Он передохнул и закончил:

— К сожалению, похоже, что мирный конституционный процесс борьбы за права человека закончился. Митинги, шествия, марши — нормальные атрибуты гражданского общества — отныне по любым поводам запрещены.

— Хорошо. Сегодня пятница, завтра суббота, двенадцатое июня, “День России”. Опасные вы люди, — воскликнула она, — готовите демарш в праздничный день. Надеетесь на большой эффект?

— Нина, как у нас говорят: “Всякому делу — время”.

— У моего папы была другая поговорка: “За худые дела — голова платит”. Смотри, Орлов, опасную ты себе старость готовишь.

— Ничего, завтра суббота — выходной день, обещают хорошую погоду... Так что всё складывается неплохо.

— Хорошо, я переговорю с нашим соседом Василием Георгиевичем, и он отвезёт меня в Москву. Напиши мне адреса, телефоны, и я всё сделаю.

Она принялась звонить, но сосед упорно не отвечал.

В это время Сергей Иванович, недоспав в привычное время, похрапывал на диване и смотрел тревожные сны. Вначале это было детство. Он видел себя красующимся в школе мимо дежурного в гардероб, где вместе с братом они разбрасывают листовки против Советской власти. Затем в его памяти всплыл недавний разговор со Львом Наумовичем, которому он во сне за провокационный выпад чуть не набил физиономию. Потом вернулось детство: устроенная отцом трёхдневная порка... И, наконец, приснилась ему картина, будто он под бурные овации пламенно выступает на кафедре в защиту студентов, участвовавших в митинге на Пушкинской площади. Он так яростно защищал студентов, что именно на этом сюжете проснулся и, выйдя на крыльцо, увидел сидящих за столом Нину и Орлова.

Жена в который раз набирала номер телефона соседа, но тот по-прежнему не отвечал. Нина как ни в чем не бывало обратилась к мужу:

— Ты не знаешь, куда пропал Василий Георгиевич? Он здесь или уехал?

— У него новый телефон, — тоже как ни в чем не бывало ответил Дубровин. Он вернулся на веранду и, взяв свой мобильный, присел рядом с ними. Повернувшись к Орлову, твёрдо спросил:

— Когда надо выезжать?

Орлов тут же ответил:

— Мы только что обсуждали это с Ниной. Надо выехать сегодня. Завтра в полдень начнётся демонстрация — будет поздно.

— Тогда после обеда я поеду.

Орлов от неожиданности потерял дар речи. Но в следующее мгновение сделал сильный рывок к Дубровину и, крепко пожав ему руку, воскликнул:

— Спасибо, Серёжа. Я никогда этого не забуду.

Сергей Иванович быстро договорился с соседом и после теперь уже трезвого обеда, получив все инструкции, адреса и записку от Орлова, выехал в Москву, захватив с собой кучу бутербродов, приготовленных Ниной в дорогу.

* * *

С Василием Георгиевичем, а для Дубровина — Васей, договориться о поездке в Москву было нетрудно. Они часто выручали друг друга. Василий помогал по хозяйству, а Дубровин нередко одалживал соседу деньги на строительство дома. Взаимовыручка переросла в настоящую дружбу, хотя нередко они спорили, потому что Василий был правоверным “путинцем”, а Дубровин в последнее время — разочаровавшимся. Они о многом за годы дачного общения наговорились, поэтому по дороге общались редко и мало. В своё время Вася работал шофёром на одном из заводов в Ступино, но бывал в Москве почти каждый день, поэтому Дубровин не волновался — Вася привезёт куда следует. Однако заданный Васей в дороге, казалось бы, в шутку вопрос озадачил Дубровина:

— Вы случаем не на демонстрацию едете выступать?

Дубровин неожиданно вздрогнул и отшутился, перефразировав старую присказку:

— Я, Вася, как оратор ноль.

— А как же лекции? — удивился Василий. — Там же нужно студентов учить, убеждать?

— Убеждать? Ну, это — как удастся. Бывает по-разному. Иногда — как в анекдоте. Лекция в медицинском институте. Профессор: “На следующей лекции мы закончим тему, и я вам расскажу об одном из лучших противозачаточных средств”. На следующей лекции — море народа, пришли с других курсов, сидят на полу в проходах. Профессор: “Итак, лучшее противозачаточное средство — стакан томатного сока”. Народ записывает, а потом самая смелая студентка лезет с вопросом: “Профессор, а когда принимать — до или после...?” — “Вместо”.

Вася долго хохотал. Он не был женат и тут же сделал свой вывод:

— Прикольный анекдот. Теперь я понимаю, что предлагать бабам в случае “пожарной ситуации”.

Вскоре они уже подъезжали к Москве. Навигатор был настроен на Первую Тверскую-Ямскую улицу. Дом, куда они направлялись, находился рядом с музеем “Русской гармоники”. Договорившись, что к вечеру созвонятся и поедут назад, каждый двинулся по своим задачам. Василий поехал к старому приятелю в Чертаново угостить его своим самогомом, а Дубровин вошёл в подъезд, изучил почтовые ящики и поехал в лифте на последний этаж.

Дверь открыла невысокая женщина на вид сорока с лишним лет, упитанная, с гладко зачёсанными в пучок волосами. Благодаря белому фартуку она напоминала работника кулинарной фабрики. Судя по тесной прихожей, квартира была маленькой. Дубровин заключил это ещё и по запаху чего-то варёного и вкусного, которым его сразу обдало с кухни.

Было уже около семи, поэтому он начал с “доброе вечера”, а потом представился по всем правилам, упомянув имя Орлова, своего давнего товарища по студенческим годам.

Она представилась:

— Варвара Игнатьевна, мать детей, которые учатся у Александра Васильевича Орлова.

Протерев вафельным полотенцем подушку на стуле, Варвара Игнатьевна предложила Сергею Ивановичу присесть.

— Кошки-баловницы спят где попало, а шерсть за собой не убирают.

Дубровин достал написанную Орловым записку и передал её хозяйке.

— Это мне? — с удивлением спросила она.

— Это вам и вашему сыну Виктору Попову. Вы же Варвара Игнатьевна Попова?

— Да, это я! А что случилось? — Она быстро взяла с вязаной скатерти круглого стола очки и принялась читать записку.

— Поняла. Спасибо за предупреждение. Но Виктора и ребят пока нет.

— Когда они будут? — спросил Дубровин, тут же прикидывая, сколько придётся потратить времени, чтобы выполнить поручение Орлова.

— Ну, вы же знаете ребят, пока не нагуляются — не жди.

— Они что, несмотря на собянинский режим, гуляют?

— Да нет, они у себя в школе, в “Троянском коне”. У них в школе есть в подвале мастерские, а рядом — клуб, скорее, закуток, где друзья Виктора собираются. Так он этот клуб назвал “Троянский конь”. В шутку, конечно. Он у меня с юмором. — И неожиданно добавила: — А учится хорошо.

Варвара Игнатьевна взглянула на стенные часы и сказала:

— Через час-полтора придут. Двести штук пельменей заказали. Вот — варю, запах по всему дому, как у меня на кухне в ресторане.

Дубровин с удивлением посмотрел на неё, хотел сказать, что догадался, что варятся пельмени, но Варвара Игнатьевна сама продолжила разговор. Угостила его пельменями под водочку в графине.

Где-то в начале десятого раздался тревожный звонок в дверь. В комнату ввалилась шумная компания ребят. На первый взгляд, все были одного возраста, старшеклассники шестнадцати-семнадцати лет. Единственную девушку звали Виктория. Ей первой предложил сесть за стол плечистый парень с лобастым лицом и коротко подстриженными под бобрик волосами. Усаживая Вику, по всей видимости, его девушку, он прищурился и внимательно исподлобья изучал Дубровина. Видно было, что и Варвара Игнатьевна уделяет этой девушке повышенное внимание — она даже попросила прикрыть окно, чтобы Вику не продуло.

— Нет-нет, не надо закрывать окно, — каким-то начальственным голосом скомандовала девушка. — Здесь через десять минут дышать будет трудно.

Стали знакомиться. Первым подошёл и представился лобастый парень. Его звали Виктором. Как понял Дубровин, это был старший сын Варвары Игнатьевны. Виктор по очереди стал представлять Дубровину всех присутствующих. Когда все перезнакомились, Виктор на правах хозяина дома каким-то хриловатым, ломающимся баритоном спросил Дубровина:

— Мама сказала, что вы друг Александра Васильевича. Это верно?

— Да, я приехал по его поручению. Меня зовут Сергей Иванович, фамилия Дубровин. Мы старые друзья с Александром Васильевичем.

Все заметно обрадовались, кто-то из ребят даже захлопал.

— Вы тоже историк? — как-то вскользь поинтересовалась Вика.

— Да, я тоже историк.

— Скажите, пожалуйста, Сергей Иванович, я забыла, сколько лет в России длилось татаро-монгольское иго? — не глядя на Дубровина, спросила Вика и лукаво взглянула в сторону ребят. Неожиданный вопрос, больше похожий на экзамен, в первый момент задел Дубровина своей бесцеремонностью, но опытный педагог в нём победил.

— Вы хотите знать общую картину или точно по годам? — спросил он торжественным тоном человека, которого трудно застать врасплох.

— Лучше всего по годам, — с вызывающей улыбкой уточнила свой вопрос Вика.

— Вика, что пристала к человеку? Он что тебе — специалист по татаро-монгольскому игу и должен всё помнить по годам?

— Вы не правы, молодой человек, — обратился Дубровин к своему защитнику, высокому парню с тонкой шеей и густой, вздёрнутой кверху шевелюрой, обликом похожему на пианиста Ван Клайберна, — такие мелочи должен знать каждый историк. Итак, татаро-монгольское иго длилось почти три

века. Начало — 1237 год, конец — стояние на Угре, 1480 год. Сколько получается лет?

Кто-то робко сказал:

— Двести шестьдесят три года.

— Правильно, — с удовольствием подтвердил Дубровин.

После объявленной цифры возникла благоговейная тишина. Ничуть не смущённая Вика первой воскликнула: “Класс!” — и захлопала в ладоши. Следом раздались аплодисменты остальных присутствующих, а у Дубровина отлегло от сердца. “Кажется, я экзамен сдал”, — подумал он, не предполагая, что экзамен только начинается.

— Виктор, — обратилась Варвара Игнатьевна к сыну, — твой заказ выполнен: двести пельменей налепила. Я подаю на стол. Пришли кого-нибудь за посудой.

— Я помогу, Варвара Игнатьевна. Через пять минут я приду, — подавала голос Вика.

— А где вы преподаёте? — спросил парень, представившийся Николаем.

— Преподаю я в МГУ, — быстро ответил Сергей Иванович, — работаю там без малого сорок лет.

— А где же вы пересеклись с Александром Васильевичем, он же закончил педагогический?

— У нас были общие друзья, была хорошая привычка встречаться с людьми, близкими по духу и мировоззрению.

Возникла небольшая пауза, и Сергей Иванович, поняв, что экзамен может затянуться, решил взять инициативу в свои руки.

— Ребята, если для знакомства вам достаточно сведений, то позвольте мне рассказать вам, с каким поручением от Александра Васильевича я приехал.

— А хотите, я угадаю? — снова подавала голос Вика. На этот раз все ребята обернулись к ней с осуждением.

— Вика, подожди, — громко вмешался Виктор, — у нас гость, куда ты торопишься? Ты хотела помочь маме, вот и пойди. Все давно жрать хотят.

Тут пришли пельмени, все стали охотно их поедать. Варвара Игнатьевна принесла большую кастрюлю, и время от времени пластмассовой зелёной поварёшкой подкладывала добавку. Дубровин тоже получил дополнительную порцию. Когда все наелись, Виктор попросил тишины и, развернувшись к Дубровину, сказал:

— Сергей Иванович, пожалуйста, мы вас внимательно слушаем.

И в этот момент Дубровин растерялся. Атмосфера была такой вальяжной, расслабленной, что не хотелось, во-первых, подставлять Орлова, объясняя причины его скоропалительного отъезда и дурных предчувствий, а во-вторых, он не знал, с чего начать, чтобы всё выглядело убедительно. Секунду подумав и подробно вспомнив переданную Орловым перед отъездом информацию, Дубровин неторопливо заговорил чуть приглушённым голосом:

— Я к вам приехал по просьбе Александра Васильевича. Ему пришлось на время скрыться, потому что знакомые ему люди, из тех, кто отвечает за порядок у нас в стране, сообщили о предстоящем ужесточении в отношении лиц, которые участвуют во всякого рода митингах, демонстрациях и прочих оппозиционных выступлениях. Поэтому тройне усилилась работа со всеми слоями общества, в том числе и с молодёжью. Согласно информации, полученной Александром Васильевичем, в школах и университетах, в подразделениях государственной службы действуют информаторы, поэтому любые проявления антивластной позиции пресекаются в самом зародыше. Словом, Александр Васильевич сообщил, что ему и его подопечным, особенно Виктору и Алексею...

Дубровин сделал паузу и заметил:

— Как я понял, Алексея здесь нет?

— Алексей готовит плакаты, — пояснил Виктор, — и присоединится к нам завтра около одиннадцати.

По этой реплике Дубровин понял, что у ребят уже всё готово к завтрашнему дню, и с настойчивой интонацией произнёс:

— Повторяю, Александр Васильевич просил вас предупредить, что вам грозит задержание сразу же после того, как вы появитесь на демонстрации. Он выразился прямо: “Это не ваша демонстрация, и не вздумайте рисковать”.

С этими словами Сергей Иванович выложил на стол записку Орлова. Наступила мёртвая тишина.

— Что, совсем не появляться, даже издалека? — каким-то ребячьим голосом спросил мальчик, который представился “Серый”, а потом всё время молчал.

У Дубровина не было своих детей, и вдруг в нём всё покачнулось, вздрогнуло и словно какой-то ниточкой прошила такая искренняя любовь к этим ребятишкам, что на глаза навернулись слёзы. Все это заметили и, как котята, уставились на него удивлёнными глазами.

— Нет, дорогие мои ребята, лучше не надо, — прерывающимся голосом почти прошептал Дубровин.

— А я пойду, — с юношеским безрассудством воскликнул Коля, похожий на Ван Клайберна. — Я договорился с девочками из нашей школы. Мы решили вместе потусоваться. Это же суббота, неужели дома торчать!

— Подожди, Коля, — подал голос Виктор. — Александр Васильевич так просто бы не уехал, не тот человек, чтобы бежать. Он не послал бы к нам своего друга...

Виктор уважительно обернулся к Дубровину и добавил:

— Сергей Иванович тоже рискует. Кто знает, какая “крыса” пасётся в нашем подъезде и вынюхивает, кто к нам приехал. Спасибо вам, Сергей Иванович, мы всё поняли. Раз так считает Александр Васильевич, значит, мы там не появимся. А ты, Колька, как хочешь, но учти — ты подведёшь команду, если попадёшься.

— А я понимаю Коло, — вдруг снова подала голос Виктория.

— Что ты понимаешь? — возмутился Виктор, зло уставившись на Виду. — Ты что, самая смелая? Декабристка, что ли?

— Я, может быть, и декабристка, но ты уж точно не Пестель, — мстительным голосом выкрикнула она. Виктор вскочил и ринулся к Вике.

За столом все переглянулись, кто-то возмутился, но Сергей Иванович неожиданно для себя самого повысил голос:

— Прекратите! Немедленно прекратите оскорблять друг друга. А вы, Вика, нашли с кем сравнивать Виктора. Пестель больше, чем кто-либо другой из декабристов, терпеть не мог Россию.

— Неправда! Он не мог плохо относиться к своей родине. Он был настоящим патриотом. Он возглавлял целое общество. Если бы декабристы в последний момент не трусили, у нас была бы другая история, — с раздражённой самоуверенностью заявила Виктория.

Сергей Иванович встал, машинально надел очки, и в голове включилась давно отработанная профессиональная программа, которая сработала безошибочно.

— Действительно, Павел Пестель был одним из ведущих идеологов и руководителей движения декабристов. Это правильно. И здесь я с вами, Вика, согласен. Возглавляемое им Южное общество (запомни, Виктория) было более революционным и радикальным по сравнению с Северным обществом и предшествующими организациями: Союзом благоденствия и Союзом спасения. Пестель выступал за отмену крепостного права, освобождение крестьян с землёй и наделение их всеми гражданскими правами. Но тем не менее Пестель, как никто из декабристов, не только не любил Россию, но, к сожалению, просто терпеть её не мог.

— Не верю, докажите, — гневно и с вызовом воскликнула Виктория.

— По национальности декабрист Пестель — немец, — начал Сергей Иванович. — При рождении в 1793 году его назвали Паулем Бурхардом. Предки Пестелей перебрались в Россию ещё в семнадцатом веке. Россию он воспринимал слишком по-своему. Скажите, Виктория, вы слышали о Чаадаеве?

— Конечно, слышала, — уже примирительным тоном ответила девушка.

— Вы ему доверяете?

— Абсолютно. Хотя, к сожалению, я его мало читала.

— Тогда послушайте письмо Чаадаева, где он характеризует нашу с вами родину и народ.

Сергей Иванович, переключил память на другую скорость и без запинок начал:

— “Бог создал русский народ, чтобы показать другим народам, как нельзя жить. Самосознания у населения России никогда не было. И нет его! И не будет его. И не надо его! Население, как и сама Россия, существует как урок миру”. Так вот, по свидетельству современников, подобное отношение к России было и у Пестеля.

Дубровин обернулся к Виктории и примирительно заметил:

— Ваш товарищ, Виктор Попов, действительно совсем не похож на Пестеля. У Пестеля был профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Пушкин наделил героя “Пиковой дамы” теми же чертами, какие современники находили в Пестеле. Помните, у Пушкина о Германне: “чёрные глаза его сверкали из-под шляпы”. Пестель был небольшого роста, брюнет, с чёрными, бегающими, но приятными глазами. Так его внешность описывают современники. Но, ребята, запомните и другое, может быть, главное: Пестель был человеком с диктаторскими амбициями и вероломными намерениями по отношению к своим товарищам.

— Так у нас в России что ни руководитель, то диктатор и вероломный по отношению к своим товарищам, — подал, наконец, голос парень, представившийся Серым. — Возьмите Сталина, вот уж и диктатор, и вероломный человек.

— Сталин — другое дело! — воскликнул Виктор. — Он выиграл войну, он страну спас. В сорок первом Сталин не смылся из Москвы и погнал немцев. Ну, ты даёшь, Серый, нашёл с кем сравнивать. Это тебе не Хрущёв и другие советские старцы. При Сталине ЕГЭ не прошло бы.

— Вот это точно, — с каким-то восторженным согласием поддержал Дубровин. — Сталин был образованным человеком, много читал, был хорошим поэтом, — вдохновенно заговорил Дубровин, в советское время преподававший курс “Сталин и культура”. — В СССР большое внимание уделялось культуре. Лично мне очень нравится такая мысль Сталина: “Ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия её государственности — подымай грамотность населения, подымай культуру своей страны, остальное приложится”.

— А я что-то не слышал, чтобы Сталина считали хорошим поэтом, — спросил, наконец, осмелевший Серый.

— Да, в Грузии он считался хорошим поэтом. Его печатали. Хотите, я вам прочту одно его стихотворение?

— Очень! — тихо проронила Вика, уставившись восторженными глазами на Дубровина.

— Сергей Иванович, — подал голос Коля, — вы потом попросите Вика почитать стихи, она у нас классный декламатор.

— Пацан, оставь меня в покое — ничего своего я читать не буду, — резко заявила Вика.

— Ну да, не подходящая аудитория.

— Сергей Иванович, не слушайте никого, прочтите вы.

Дубровин, до этого опять уютно пристроившийся на своём стуле, встал, снял очки, в предыдущем диалоге будто определявшие его принадлежность к преподавательскому сообществу. И когда невидимая граница между профессором и студентами исчезла, он начал читать:

*Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет её над дальней гранью
Играет бледной синевою,*

*Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья*

*И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,*

*Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвонят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен тёмный лес в ночи,*

*Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадёт в свой скорбный край,
Когда, крошечной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —*

*Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.*

*Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьётся неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!*

Ребята стали переглядываться и шептаться. А Дубровин продолжил:

— Сталин сделал Россию тем, чем она не была никогда, — самой сильной страной на земном шаре. Ни одна империя за всю историю человечества никогда не была сильна так, как Россия при Сталине, — закончил Дубровин и испытующе посмотрел на ребят.

— Сергей Иванович, а как могло случиться, что после Сталина появился такой прыщ, как Хрущёв? — спросил Виктор, окончательно принявший Дубровина.

— Хрущёв не случайность, а закономерность. Он выражал начавшееся ещё в первые послевоенные годы постепенное буржуазное перерождение верхушки партийно-государственного аппарата. Ну, а дальше постепенно всё пошло, как в анекдоте...

— Расскажите! — хором потребовали все присутствующие.

— Хорошо, но это последнее, что я рассказываю, потом я хочу слушать вас. Значит, так: едут в поезде Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев и Горбачёв. Внезапно поезд останавливается и дальше не идёт — рельсы закончились. Каждый из лидеров предлагает своё решение проблемы. Ленин организовал субботник, позвал на него всех жителей окрестных сёл, которые под его руководством проложили пути перед поездом. Сталин расстрелял машиниста, потому что поезд так и не тронулся. Хрущёв реабилитировал расстрелянного машиниста и предложил разобрать рельсы сзади и собрать перед поездом. Брежнев предложил остаться в вагоне, закрыть шторы и покачиваться вперёд-назад, делая вид, что поезд едет. А Горбачёв организовал митинг перед поездом с лозунгом: “Впереди рельсов нет!”

— А почему в поезде нет Путина? — с ухмылкой спросил Серый. — Не пустили?

— Нет, молодой человек, Путин в другом поезде. Он едет с Лавровым на переговоры с американцами. А теперь мне хотелось бы послушать вас, — закончил Сергей Иванович. — Надеюсь, я экзамен выдержал.

Ребята дружно закивали и, оглянувшись, уставились на Вику в надежде, что она что-нибудь прочтёт. Возникла неловкая пауза, все подумали, что она заартачится. Однако Вика отодвинула стул, вытянулась за ним во весь рост и, окинув присутствующих взглядом, как будто подводя итог предшествующему разговору, произнесла:

— Во-первых, спасибо вам, Сергей Иванович, за этот урок. Вы — настоящий педагог и настоящий учёный. Ещё прошу прощения у Виктора за неуместное сравнение с Пестелем. Своих стихов я читать не буду, а вот одно

стихотворение Шпаликова, которое учит находить в прошлом прежде всего хорошее, я прочту.

Вика вскинула голову, курносое лицо её стало напряжённым, и, сделав паузу, чтобы преодолеть смущение, она, уже уверенно и решительно, начала:

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратном
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не моти.
А не то рвану по следу —
Кто меня вернёт? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где — боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.*

Дольше всех Вике аплодировал Виктор. Когда ребята притихли, он встал, повернулся к стоящей у стола матери и заговорил:

— Действительно, мы с мамой очень благодарны вам, Сергей Иванович. Вы из породы Орловых, нашего учителя истории. В шахматах есть такой ход — короткая рокировка. Она нужна для безопасности своего короля. Вы с Александром Васильевичем сделали рокировку, чтобы спасти нас. Мы вас слышали. Мне понравилось, что вы говорите с нами, как со взрослыми. В нашей школе дирекция запрещает участвовать в демонстрациях, ходить на митинги, потому что мы — дети, нам рано. Слышишь одно и то же: “Наши дети не понимают, во что ввязываются, они обязательно станут жертвами недобросовестных людей”. Всё это чепуха! Нам нужен диалог, а они шпарят монологами. Мы с ними хотим разговаривать, а разговора не получается. Не хотят слышать! А вот вы, Сергей Иванович, и наш Александр Васильевич, слышите. Наши ребята, как мне кажется, не попали под влияние “зомбоящика”. Кого там только ни видишь, все рвут рубашку за правду, а Матросовых нет. Николай Алексеевич, наш физик, рассказывал о Ландау, так тот правильно говорил: “Телевизор — это мусоропровод, работающий в обратную сторону”. Я прав, ребята?

Раздался общий одобрителный гул. Впервые сегодня Сергей Иванович остро почувствовал, что не только учит, но, прежде всего, учится сам, учится понимать тех, кто наверняка и вскоре изменит эту жизнь.

— Без этих “трансляторов власти”, — продолжил Виктор, — и их усердного холуйства мы прекрасно понимаем, что происходит в нашей стране, и вполне отличаем правду от лжи. И мы — не глупые котята, которые идут за дудочкой Навального. Никто из нас не мечтает укатить за бугор. Мы знаем, в какой стране мы живём и в какой мечтаем жить. Мы хотим жить в правовом государстве, в справедливом обществе, жить по Конституции и руководствоваться честными законами. Правильно, ребята?

— Правильно! — поддержала Вика, а остальные одобрительно закивали. — И мы хотим, чтобы государство следовало законам, которые установило.

Виктор обернулся к матери и продолжил:

— Если вы обещали не поднимать пенсионный возраст, так держите слово. Ведь ежу понятно, что вы этой “пенсионной реформой” себя обнулили.

Такие люди, как вы, Сергей Иванович, не только хорошо учат и говорят правду, но и подводят нас к главному выводу: в России есть что менять, и мы знаем, что эти изменения будем совершать мы. Дело это опасное, но я не боюсь. Не я, а они — правоохранительные органы — должны задавать себе вопрос, почему в нашей стране стало рискованно появляться на демонстрациях, участвовать в митингах. Не мы, а они обязаны сделать безопасным наше право на свободу собраний, гарантированное Конституцией.

Ребята зааплодировали.

— И последнее: ещё Достоевский призывал к действиям по спасению русского народа, который был „вытеснен” из России. Поэтому нашему поколению надо думать о том, какое государство в дальнейшем мы будем строить. Надо думать о Новой России. Сильной, социально защищённой, богатой и процветающей. Ведь свято место пусто не бывает. И если мы, молодые и старшие, как Александр Васильевич и вот — Сергей Иванович, будем равнодушными, дурными и бестолковыми, придут те, кто сменит не только “матрицу”, но и спасительный якорь, оставленный Богом на нашей земле. Последние слова сказал не я, но я с этим согласен.

— Простите, Виктор, — заговорил Сергей Иванович, немного обескураженный неожиданным монологом молодого человека, — можно я вам задам один вопрос?

— Пожалуйста, Сергей Иванович, задавайте, — Виктор и сам был явно удовлетворён своей речью и не пытался этого скрывать.

— То, что вы сейчас сказали, это импровизация или выступление, посвящённое Дню России?

Виктор улыбнулся, хотел что-то ответить, но его опередил незнакомый голос:

— Это программная речь моего брата в новой Государственной Думе. Между прочим, материал для выступления был подготовлен мною.

Все обернулись на говорившего. В дверях стоял подросток лет четырнадцати, оказавшийся младшим братом Виктора. Мальчишку звали Сергей. Ребята зашумели, приветствуя, по-видимому, хорошо им знакомого молодого человека. Варвара Игнатьевна побежала на кухню приготовить новую порцию пельменей, а Виктор принялся отчитывать брата за позднее появление.

* * *

В общей суматохе Сергей Иванович незаметно взглянул на часы. Было уже около двенадцати. Он прошёл в прихожую и позвонил Василию. Телефон долго не отвечал. Наконец, он расслышал голос Васи и сразу по весёлому тону понял, что тот, как он выражался в подобных случаях, “жахнул”. Ничего не оставалось, кроме как перенести возвращение на следующий день.

Затем Дубровин набрал номер жены, но телефон не отвечал. Вспомнив, что все звонившие к ним из Москвы жаловались на проблемы со связью, он мысленно отругал МТС, отключил телефон и решил, что поедет завтра. В это время в прихожей появилась Варвара Игнатьевна.

— Я смотрю, наш гость исчез, а мы тут, оказывается, по телефону говорим.

— Моё возвращение откладывается на завтрашний день, Варвара Игнатьевна, — извиняющимся тоном начал Дубровин, — поэтому хочу вас спросить, есть ли здесь где-нибудь поблизости гостиница?

— Такая гостиница есть. И она находится у нас. Есть закуток, где я вам поставлю раскладушку с ортопедическим матрасом, и вы преотлично выспитесь. Кстати, у нас там окно на тихую сторону.

Она взяла Дубровина за руку, показала по дороге, где ванная и туалет, а потом торжественно привела в маленькую комнату, когда-то бывшую балконом.

Проснулся он поздно, в начале одиннадцатого. Позвонил жене, но никто опять не ответил. В доме было подозрительно тихо. Сергей Иванович встал, умылся, прошёл в гостиную и только тут увидел Варвару Игнатьевну, глядящую на вчерашнем, теперь прибранном столе белый халат.

— Доброе утро, — радушно, нараспев приветствовала она Дубровина. — Хорошо, что я вас не будила, сами проснулись. Вот, заканчиваю глажку и собираюсь на работу.

— Ну, а я тогда вызываю такси и поеду домой.

— Нет, вначале я вас ненадолго приглашаю к себе, в ресторан “Ростикс” и угощу нашим фирменным блюдом.

— А не рановато ли для ресторана? — поинтересовался Дубровин.

— Сегодня мы из-за праздника начинаем чуть позже, но для шеф-повара время не установлено. Мои помощники работают там уже с семи утра, а формально мы открываемся в восемь. Кстати, из всех “Ростиксов” наш находится в самом удобном месте. И интерьер у нас красивый. Мы работаем практически круглосуточно и главное — недорого. Вот наши реквизиты, — она достала визитку и протянула Дубровину. — Сбоку я на всякий случай записала мой телефон, вдруг что-нибудь понадобится.

— А драки у вас бывают? — пошутил Дубровин, пряча визитку в карман.

— Драк у нас практически нет. Полиция всегда поблизости.

— Ну что ж, тогда пойдёмте. Сто лет не был в общепитовском ресторане с красивым интерьером.

Вскоре они вышли из дома, завернули за угол и сразу наткнулись на огромное количество людей, заполнивших Тверскую и площадь Маяковского. Все были радостно возбуждены, постоянно о чём-то говорили и громко хохотали. У некоторых в руках звенели связки ключей, какая-то молодая девушка просила сбиться в кучу своих друзей и даже прохожих и, не переставая, их фотографировала.

Большая часть человеческого потока направлялась к “Пушкинской”, у многих в руках были российские флажки. Молодёжь шла с заплечными сумками и наушниками. Они отрешённо смотрели по сторонам и безмолвно и сосредоточенно шли вперёд. Со стороны “Пушкинской” долетали кричалки: “Долой царя!”

У самых дверей ресторана их встретила группа молодых людей в фирменных нарядах “Ростикса”. В руках они держали лотки со сладостями. Варвара Игнатьевна со всеми громко поздоровалась, на ходу по-своейски взяла с лотка два леденца на палочке и пропустила Дубровина в помещение. Тут же к ним подошёл молодой человек в белом халате с пистолетом-градусником, проверил температуру и, сказав улыбающейся Варваре Игнатьевне: “о’кей”, — пропустил их в зал. Действительно, дизайн ресторана производил хорошее впечатление, но было шумно, особенно там, где тянулась очередь к кассам. Варвара Игнатьевна взяла Дубровина за руку и провела к зарезервированному столу, находящемуся у большого окна, выходящего на Тверскую.

— Сергей Иванович, я на минуту. Хочу вас угостить когда-то популярным в этом ресторане блюдом, готовящимся теперь только для vip-гостей и для очень близких друзей.

Она ушла, а Сергей Иванович, как через увеличительное стекло, стал наблюдать за происходящим на площади. Народ всё прибывал. Поток шёл налево от его окна в сторону Пушкинской площади. Дубровин чувствовал себя не просто наблюдателем, он был вовлечён в происходящее. Вечер, проведённый с ребятами, не прошёл даром. Их непосредственное обострённое чувство в отношении всего, что происходит в стране, невольно передалось и ему, сделало и его участником этих событий. Он давно заметил, что все диссиденты, разного рода оппозиционеры, социалисты и демократы, благодаря опытному противостоянию с ними власти, а главное — собственному непродуманному и беспомощному поведению, чаще всего превращались в болтливых персонажей из “телеящиков” и разного рода шоу-программ. Каждое неожиданно появившееся лицо очень скоро теряло обаяние, быстро надоедало, словно чья-то невидимая рука умело выворачивала человека наизнанку с тем, чтобы никто из “электората” не обольщался. А если новичок в политике появлялся самостоятельно, то на него обрушивался такой поток поклёпа и компромата, что редко кто выдерживал.

Он вспомнил удачливого руководителя партии “Родина”. Вспомнил его честную книгу “Враг народа”, где он признавался, что едва только “Родина”

стала активно наращивать популярность и политическое влияние, как против неё был брошен мощнейший ресурс административного подавления. Многоходовыми интригами правящей бюрократии удалось растворить “Родину” в мутном коктейле с издевательским названием “Справедливая Россия”.

Однако вскоре произошло обратное. Наш протагонист-бедоносец — вначале прирученный, а потом подкормленный с “барского стола” — вскоре превратился в одного из персонажей Оруэлла и стал многоречивым и преданным слугой, одним из многих встроенных во власть перевёртышей.

Дубровин вспомнил, как когда-то восемнадцатимиллионная партия коммунистов, клявшаяся на “коммунистической библии”, в одночасье предала партию, свои идеалы и пустилась во все тяжкие.

Вдруг, словно Богом подслушанное откровение, за окном вдалеке он увидел группу людей старшего поколения, в руках у которых было большое красное знамя. Один из стариков раскрутил древко, и знамя, подхваченное ветром, распрямилось, колыхнулось пунцовым изгибом и засияло в лучах солнца. Лица этих людей было трудно разглядеть, но видно было, как они жались друг к другу, оглядываясь по сторонам.

Присмотревшись, Дубровин отметил, что все, кто находился поблизости от этой группы, глядели на людей со знаменем уважительно. У него отлегло от сердца.

“Вот наглядный пример того, — подумал Дубровин, — что осталось от той партии и тех людей, которые, сами того не ведая, были строителями и свидетелями великой эпохи. Долгие годы люди будут ещё вспоминать то время как цивилизацию невиданных достижений и взлётов. И кто бы что ни говорил, как бы ни хулил то время, сколько бы недостатков ни приводил, чтобы очернить ту великую страну, но России нынешней, скатившейся на “пьедестале достижений” во второй десятке развитых стран, вряд ли удастся достичь того величия, какого добилось то поколение”.

Неожиданно на площади появилось несколько полицейских машин. Из одной, похожей на автобус, с окнами и дверями, поочередно стали выпрыгивать люди: то ли сотрудники полиции, то ли ОМОНа. Их было много, человек пятнадцать-двадцать. Они построились и аккуратной цепочкой двинулись в сторону Пушкинской. Впритык к автозаку припарковалась машина, напоминающая танк. Она была с двумя боковыми и одной задней двустворчатой дверями, а на крыше торчали застеклённые люки. Из машины неторопливо вышли четыре человека: двое в штатском и двое в полицейской форме. Следом остановились ещё два легковых полицейских автомобиля. Из них выскочили четверо полицейских и, отдав честь, быстро и заинтересованно стали что-то докладывать, по всей видимости, старшему по званию.

Сергей Иванович неотрывно смотрел на этот внезапно появившийся дивизион, словно предчувствуя беду. На секунду его отвлекла Варвара Игнатьевна, принеся большой золочёный поднос, на котором красовался, издавая запахи кавказских приправ, цыплёнок табака.

И вдруг они оба увидели за окном Виктора. С ним шли Вика и ещё один парень, несший какой-то свёрнутый в трубку предмет. Парень был крупнее Виктора, с шевелюрой, закрученной на затылке в узелок, и с лицом, измазанным чёрными полосками. Он спорил и упрямо сопротивлялся Виктору, тянушему его назад с площади.

— Это Алёшка, Витькин дружок! — воскликнула Варвара Игнатьевна. — Вот засранец! Виктор же предупредил его, чтобы не появлялся.

Тем временем этот самый Алёшка, оттолкнув Виктора, неожиданно развернул руками свёрток. Это был большой красный плакат, где по центру, в три строки белой прописью было написано: “Не боюсь бункерного деда”.

Стоило появиться в руках Алексея этому плакату, как словно из-под земли подскочили молодые люди, которые принялись кричать и звать на помощь полицию. Виктор изловчился, высоко прыгнул и, вырвав у Алексея плакат, стал его мять, пытаясь порвать. Но плакат хоть и мялся, но рваться не хотел. Это был прокляенный гофрированный картон, который невозможно быстро разорвать.

Начавшаяся потасовка длилась не более минуты, и вдруг, откуда ни возьмись, появилась цепочка ОМОНа. Окружив Виктора и Алексея, полицейские принялись заламывать им руки. Бросившуюся отбивать ребят Вика тоже схватили и тоже стали “винтить”. Она кричала, отбивалась ногами, пыталась кусать руки не отпускавших её омоновцев.

Став невольным свидетелем происходящего на площади, Дубровин пришёл в ярость. Его заколотило, и волна какой-то бездонной обиды за ребят захлестнула Сергея Ивановича. Резко отодвинув стул, он крикнул Варваре Игнатьевне: “За мной!” — и бросился на выход. Через секунду он уже был в центре событий. Схватив за запястье полицейского, который заламывал вверх руки девушки, он с криком: “Прекратить! Она ни в чём не виновата!” — стал отталкивать омоновца, закрывая собой Вика.

Дальше произошло то, что он потом не мог забыть очень долго. Один омоновец коленом незаметно ударил его под дых, другой ловким приёмом сцепил сзади руки, и его потащили в большой автозак, где сидевший в кабине водитель услужливо открыл двери. Через минуту туда же была брошена и Вика. Следом за ней в машину чья-то рука подбросила сумку Дубровина, и двери захлопнулись. С этой минуты для них началась совсем другая, неправдоподобная жизнь.

Через пятнадцать минут автозак завёлся и медленно поехал вперёд, сопровождаемый уличным гулом и криками демонстрантов. Вскоре машина остановилась, дверь распахнулась, и появились новые задержанные. В короткий срок, словно по какому-то “стахановскому плану”, автозак до предела заполнился людьми. Большинство — молодёжь. Парни кричали, матерились, девчонки с обескураженными лицами вели себя сдержаннее, жались к знакомым ребятам, некоторые хихикали, словно всё происходящее было какой-то игрой, напоминающей “казаки-разбойники”. Большинство пыталось куда-то позвонить. Кто-то кричал по телефону, что его задержали, и объяснял, где его искать. Один рослый, бритый, похожий на уголовника мужик, надрываясь, орал то ли жене, то ли своей матери, что “ещё не знает, в какой спецприёмник повезут”, но просил дозвониться какому-то Каршилову, по-видимому, своему адвокату.

Двое омоновцев стали отбирать мобильные у тех, кто без разрешения пытался звонить и криками перекрывал общий гвалт, стоявший в автозаке. Вскоре внутри стало невероятно душно, люди требовали воды, некоторые просились в туалет, но никто на это не обращал внимания. Вскоре нестерпимо запахло потом. В переполненном автозаке большинство людей стояли на ногах. Один парень свирепым голосом крикнул: “Хочу в туалет, почему не пускают в туалет?” В ответ раздалось: “Не знали, куда пришли? Это вам не санаторий”. Какая-то женщина довольно крепкого телосложения с мальчишеской причёской, пробираясь сквозь прижатую плотную толпу, кого-то искала. Протолкнувшись к Дубровину, она улыбнулась. Сергею Ивановичу показалось, что она его знает. Он подвинулся по длинной расположенной вдоль кузова скамейке, и женщина сумела втиснуться рядом.

— Слава Богу, моих не забрали, — прошептала она Дубровину и улыбнулась.

Вика достала телефон и набрала Виктора. Говорила тихо. Ругала Алексея, из-за которого они с Виктором влипли. Между прочим, с гордостью сообщила, что она рядом с профессором.

На слове “профессор” сидевшая рядом женщина, пристально посмотрела на Дубровина и прошептала:

— Я у вас училась, закончила в восемьдесят девятом году.

Дубровин кивнул, пожал ей руку и, тоже достав мобильный, попытался позвонить. Но телефон жены по-прежнему молчал. Вика так увлеклась разговором, так гневно ругала “позёра Алёшку”, который “всех подставил”, что не заметила, как рядом оказался омоновец. Растолкав тех, кто был поблизости от Вики, он со словами:

— Всем ведь сказано: не звонить, не провоцировать и не передавать информацию по телефону, а ты тут разошлась. А ну, давай сюда телефон! — Он потянулся к рукам Вики и попробовал вырвать у неё телефон.

Вика стала отталкиваться, как в рукопашном бою, и вдруг с размаху ударила омовца по каске. От неожиданности тот истошно завопил:

— Сука! Сука костлявая, сопротивляться при исполнении!

Он схватил Викину руку и с силой начал заламывать её в кисти. Девушка закричала, и Сергей Иванович понял, что ей могут сломать запястье. Он попытался оттолкнуть омовца, однако появление защитника буквально взбесило стража порядка. Он быстро освободил правую руку и в ту же секунду ударил Дубровина локтем в лицо.

Дубровин повалился вниз, на пол, потом нелепо, почти бессознательно стал карабкаться на своё место, чувствуя, что от удара во рту у него сломались зубы. Тем временем женщина, сидевшая рядом, вскочила и, уставившись в лицо омовца, гневно закричала:

— Позор! Что вы делаете? Это профессор МГУ, доктор исторических наук Дубровин. Как вам не стыдно! Мы этого так не оставим, вас за это будут судить. Товарищи! Вот этот негодяй ударил преподавателя МГУ, профессора Дубровина!

Поднялся шум, крики, и вдруг со всех сторон вразнобой, а потом дружно раздалось:

— Фашисты! Фашисты! Фашисты!

Тотчас в автозак вскочили трое омовцев с дубинками и ринулись, проталкивая себе дорогу, к своему товарищу. Как ни отбивалась Вика и как из последних сил не помогала ей женщина, но освободить девушку не удалось. Несмотря на общее негодование, Вику выволокли из автобуса, и дверь за ней плотно захлопнулась. Всё происшедшее дальше было для Дубровина, как в тумане. Оказалось, что в столичных спецприёмниках уже не было места, и их автозак отправился дальше, чтобы доставить задержанных в Центр временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ) в посёлке Сахарово в Новой Москве.

После того как всех привезли, началась проверка документов. Вызывали по одному. Дубровин, благодарный за помощь и защиту Нине Ивановне, педагогу спецшколы с английским уклоном, старался держаться с ней рядом.

Когда в изолятор для иностранцев стали свозить арестованных массово, прошёл слух, что кого-то будут освобождать. И вот тут им повезло: один омовец узнал свою школьную учительницу Нину Ивановну и, выведя её из коридора и поговорив, решил ей помочь. Бывшая ученица не забыла о Дубровине и настойчиво принялась просить за него, расхваливая теперь уже своего учителя. Благодарный ученик Нины Ивановны проникся и хлопотал, чтобы двух случайно по недоразумению арестованных педагогов освободили под его ответственность.

Вырвавшись наружу, Нина Ивановна тотчас позвонила сыну. Оказалось, что её Володя поехал следом за автозаком и находится неподалёку, в длинной, стихийно образовавшейся автостоянке, состоящей из машин близких родственников и друзей, ожидающих решения участи арестованных. Когда сын узнал, что Нину Ивановну выпустили, уже через пять минут подъехал к указанному месту.

Только в машине Дубровин ожил. Чувство свободы и благодарность новой знакомой переполняли его сердце. Вот только зубы... Нина Ивановна тотчас его успокоила, заявив, что у неё старшая дочь работает стоматологом, и она сделает всё возможное, чтобы уладить проблемы с зубами.

— В любое время, дорогой Сергей Иванович, приезжайте, и Ольга займётся вами вне всякой очереди.

По дороге он высматривал место, где можно пересесть на такси, чтобы не обременять своих новых знакомых. Но как только он заикнулся об этом, Нина Ивановна заявила:

— Никаких такси! Володя доведёт меня, а потом отвезёт вас домой. Позвоните своим — пусть встречают.

Сергей Иванович с грустью сказал, что у него только жена и что он никак не может ей дозвониться.

— Диктуйте ваш номер! — решительно заявила она. — Я вас тотчас соединю.

Дубровин назвал номер, но телефон по-прежнему молчал.

— Что у вас за район? — спросила она.

— У нас плохая связь. К сожалению, все жалуются. Из Москвы трудно дозвониться.

Он назвал адрес, и она засмеялась.

— Вы хотите в это время уговорить кого-то из таксистов, чтобы вас довёз, а обратно возвращался пустым? Нет, мы сделаем так, как я предложила. Володя, ты довезёшь Сергея Ивановича?

— Мать, о чём ты говоришь! Заправимся по дороге, и часа через два с половиной, если не будет пробок, Сергей Иванович окажется дома.

Когда они тепло попрощались, Нина Ивановна вручила Дубровину визитку и сказала, что в тот день, когда Дубровин решит заняться зубами, за ним приедет Володя и доставит его по назначению.

Вскоре “Киа” мчалась в направлении дачи Дубровина. Сергей Иванович, сев в машину, тотчас заснул. Володя окликнул его, когда они уже подъезжали к дому. Кругом стояла тишина, и только где-то далеко за рекой разносился лай собаки. Он взглянул на часы — шёл второй час ночи. Когда он направился к дому, к нему навстречу с каким-то весёлым поскуливанием выбежал Принц. Погладив собаку, Дубровин поднялся на крыльцо и, секунду подумав, решил не звонить. Дверь оказалась только прикрытой, и он тихо вошёл на веранду. На него пахло привычным теплом дома и душистым запахом тушёной баранины.

Сергей Иванович хотел подать голос, но его удивило, что Орлов почему-то не спит на веранде. И он снова промолчал. Дубровин прошёл в комнату, освещённую ночной лампой, и, обомлев, остановился. На большом семейном диване голова к голове лежали его жена и его друг Орлов. Он хотел крикнуть, но голос не послушался, только тихий стон выдохнулся из груди.

Дальше он действовал по какой-то чужой и злой воле. Всё делалось им бесшумно и расчётливо. Он вернулся на веранду, снял с полукруглого крепления ружьё, достал из патронташа патроны, предназначенные для кабана, зарядил оба ствола и встал напротив спящих, чтобы свет не сбил прицел. Внезапно он бесшумно опустил ружьё, достал из кармана телефон и сделал один снимок лежащей в постели пары.

Затем Дубровин снова направил ружьё, прицелился, но почувствовал, что руки окаменели, а пальцы не сжимаются. Тогда он быстро вернулся на веранду, повесил на место ружьё, взял сумку и, выйдя за ограду, побежал. Неожиданно его ноги обо что-то споткнулись, он упал. Это Принц, его собака, не давая ему уйти, бросилась наперерез. Пёс подполз к хозяину и тёплым шершавым языком стал лизать ему руки, лицо и губы. И вдруг он почувствовал, как из его глаз брызнули слёзы, он сжался в комок, чтобы не реветь в голос...

Где-то на дороге послышался гул мотора. Ему показалось, что едут в его сторону, он встал и медленно пошёл прочь от дома. Свернув за угол, он вдруг увидел прижавшуюся к обочине Володину машину “Киа”. Мотор был выключен. Дубровин заглянул в кабину. Володя спал, откинув назад голову и широко раскинув руки и ноги. Несмотря на сон, лицо его было беспокойным. Вязаная шапка натянута до самых глаз.

Дубровин тихо постучал в окно. Володя в ту же секунду открыл глаза и с удивлением уставился на Дубровина.

— Что случилось? — спросил он тревожно. — Дома никого нет?

— Нет, все дома. Вернее, жена дома. Просто — невозможная боль. Чувствую, что не смогу заснуть. Хочу воспользоваться предложением вашей мамы и побыстрее попасть на приём к вашей сестре.

— Так что, мы возвращаемся вместе? — радостно воскликнул Володя и широким жестом пригласил Сергея Ивановича садиться.

— Получается так, — вымолвил Дубровин.

— А я отъехал от вас и чувствую, что дорогу не вижу, глаза слипаются. Я ведь почти весь день за рулём. Как только вы отъехали в автозаке, я двинул по пятам, потом ждал вас у изолятора, а потом — эх, дороги! Вот и повело меня, но теперь всё в порядке. Взбодрился. Иногда пяти минут

достаточно, чтобы прийти в форму. У меня правило: опытный водитель наперерез судьбе не ездит. Ну, что, Сергей Иванович, по коням.

Володя завёл машину, как вдруг неожиданно в свете фар появилась собака.

— Ты смотри, пёс дорогу перекрыл, не пускает, — удивился Володя.

— Это моя собака — Принц, — с гордостью отозвался Дубровин и, выйдя из машины, стал гладить щенка, прощаясь.

— А может, возьмём его с собой? — неожиданно предложил Володя. — Пусть погостит, познакомится с нашей Альмой. Еды у нас на двоих хватит.

Предложение Володи застало Сергея Ивановича врасплох. Мало того, что он сам едет нежданно-негаданно, так еще и собаку с собой везёт... Не много ли для первого знакомства?

Но Володя был другого мнения: он достал из багажника сумку с инструментами, одним махом вывалил их и, бережно поместив туда щенка, предложил Сергею Ивановичу сесть на заднее сидение и путешествовать со своим любимцем.

Вскоре машина выехала на главную дорогу и покатила к Москве. К Царицыно стали подъезжать, когда уже светало. Солнце лукаво подглядывало за ходом их машины вначале из-за веток царицынского парка, потом подпрыгнуло до верхушек деревьев и, когда они подъехали к дому Нины Ивановны, уже приветствовало их в полный рост.

Только теперь, когда Нина Ивановна, открыв дверь и радушно улыбаясь, встретила их в недлинном домашнем халатике, Сергей Иванович заметил, как его новая знакомая хороша собой. Он вспомнил старое русское определение женщины — пригожая. От неё невозможно было отвести глаз. Коротко подстриженные волосы, спортивная фигура, какой-то утренний аромат только что проснувшейся женщины — она выглядела красивой и какой-то домашней, уютной.

Нина Ивановна тотчас познакомила свою Альму с Принцем, выслушала легенду о невозможной зубной боли и повела Сергея Ивановича в ванную, на ходу подхватив из шкафа большое полотенце.

Когда он появился на кухне, завтрак был готов. Запах кофе подействовал на Сергея Ивановича ободряюще. Настроение улучшилось, нервная система стала приходить в норму, и возникло нечто неожиданное и очень важное — обострилось внимание к новой знакомой, мысленно названной им “спасительницей”.

В связи с жалобами на зубную боль гостю была приготовлена овсяная каша с курагой, кофе был подан со сливками и с зефиром в шоколаде.

Осторожно пробуя зефир, Сергей Иванович даже пошутил:

— Теперь я знаю, что такое жизнь в шоколаде.

Совсем неожиданным для Сергея Ивановича явилось то, что Нина Ивановна курит. Запивая кофе маленькими глотками воды, она дымила в сторону форточки, и по выражению её лица можно было понять, что она догадывается, что разочаровала гостя этой своей слабостью.

Когда они условились, что не будут обсуждать, какие хлопоты причиняет гость своим появлением, и твёрдо договорились, что с завтрашнего дня, в смену работы дочери, он приступит к лечению, Дубровин задал главный вопрос.

— Нина Ивановна, что привело вас на Пушкинскую площадь и почему вас арестовали?

— А что вас привело, дорогой профессор?

— Случайность! Как сказал один славный парень: меня сделала революционером короткая рокировка, — весело пошутил он.

— А можно пояснее?

— Я заменил моего... знакомого, который... — тут Сергей Иванович прервал рассказ и у него чуть не навернулись слёзы. Однако он тотчас взял себя в руки.

В это утро Дубровин чувствовал, что его новый жизненный поворот, несмотря на драматические внешние и личные события, перестроил его соумудрие в другое качество. У него словно открылось новое “я”, вылутился

какой-то иной человек, который уже мало чего боялся, мог быть предельно откровенным и смелым.

— В Латвии курить начала, — рассказывала Нина Ивановна. — Я ведь после окончания МГУ выскочила замуж за латыша. Здесь, у нас, началось чёрт знает что, а тут подвернулся жених, латыш по имени Андрис Калвайтис. Он был на виду, играл в баскетбол за университет Дружбы народов. Познакомились на вечере выпускников. Он пришёл с ребятами из своей команды. Я увлеклась, а тут ещё в Рижском университете появилась вакансия переводчика исторической литературы. Мать осталась в Москве, в этой квартире, а мы укатили сначала в Ригу, а затем в Юрмалу. Андрис стал участвовать в движении за освобождение Латвии. Примкнул к системным националистам. Поначалу я с моим хорошим английским помогала с переводами радикальных статей, сопровождала услужливых гостей с Запада на митингах, а потом увидела, что мой муж, господин Калвайтис, начал быстро меняться. Его выдвинули в Сейм, но он не прошёл. Неудача свалила на меня. Жена русская, поэтому ему не доверяют. В какой-то момент мне всё это надоело, я забрала детей и вернулась к матери, вот сюда. Позже развелись, но он нам помогает. Сегодня Андрис — крупный латышский политик-националист. Его партия “Visu Latvijai!” (“Всё — Латвии!”) заседает в правящей коалиции в Сейме.

Сергей Иванович ещё раз удивился неслучайности их знакомства. Он хотел рассказать о своём латышском детстве, об этих Айварах и Гунарах, с которыми приходилось сталкиваться в Риге, но решил не пребывать — будет время.

— В Москве я устроилась в частную школу, — продолжила Нина Ивановна, — правда, далековато — на Мосфильмовской. У нас современная программа двух дипломов: это обязательный стандарт, плюс международный бакалавриат. После окончания одиннадцатого класса навыки, которые мы развиваем в детях, дают им возможность поступать в международные вузы без дополнительной подготовки. Ребята у меня живые, свободолюбивые, рвутся к общественной жизни. Дирекция, зная, что я связана с “Фондом борьбы с коррупцией”, в качестве наказания прикрепила меня к ним ещё и для удержания от всяких вредных общественных увлечений. Но разве их удержишь? Между прочим, это второе моё задержание. Думаю, если будет третье — меня уволят.

Возникла пауза. Нина Ивановна вновь закурила, достала из белого шкафчика коньяк и налила им по маленькой рюмочке.

— Не глотайте, подержите коньяк на деснах. Помните, что сказал Бернард Шоу? “Алкоголь — это анестезия, позволяющая человеку перенести операцию под названием жизнь”.

Дубровин кивнул и с горечью подумал, что ему никогда не приходилось столько пить, как в последнее время. И то ли ещё будет...

Он коротко пересказал свой конфликт с заведующим кафедрой Львом Наумовичем и задал подспудно мучающий его вопрос:

— Вот вы, Нина Ивановна, жили в меняющейся, радикальной Латвии, связаны с организацией Навального, которого лично я не считаю вполне однозначной фигурой. Его борьба с коррупцией кажется мне фальшивой. Скажите, кончится ли добром такое противостояние власти и народа? А если нет, что ожидает нас с вами в будущем?

— Вы правы, на Навальном свет клином не сошёлся. Просто меня увлекли и вдохновили его расследования. А в целом — это длинный разговор, Сергей Иванович, коротко тут не скажешь.

— А я терпеливый. Тем более, я в отпуске, а к врачу мне завтра после обеда.

— Беда в том, что Россия — негибкая страна. Как говорил Горький, “такая нелепая и неуклюжая страна эта — наша Россия. В ней, как в решете, ничего не задерживается”. Многие государства сумели перейти от абсолютной монархии к конституционной, а в дальнейшем — к демократии, сохранив культурную целостность. Хотя... для того, чтобы объективно и глубоко оценить все эти шаги, надо пожить внутри той или иной страны.

Да и что такое демократия? Вы ведь помните, что в Древней Греции, откуда пришло это понятие, вряд ли у рабов были какие-то “демократические права”. А ведь они и составляли большинство населения. А если говорить о России, то у нас всё поперёк: без гражданской войны, террора и экономического упадка мы обойтись не можем. Что поделаешь, мы обожаем “бунт, бессмысленный и беспощадный”.

— И на что же мы тогда можем рассчитывать? На распад? — жёстко спросил Дубровин.

— С моей точки зрения, у нас может быть несколько вариантов. Один вариант мне нравится больше всех.

— И что же это за вариант? — улыбнулся Дубровин и пригубил коньяк.

— IT-индустрия пользуется таким понятием, как “инклюзивность сверху”. В этом сценарии стоящий у власти режим, отвечая на запрос времени, добровольно отказывается от политической монополии, в публичную политику возвращаются конкуренция и плюрализм, а вертикаль власти и ручное управление уступают место федерализму и праву.

Сергей Иванович усмехнулся:

— Добрая вы душа, дорогая Нина Ивановна. Вы нарисовали какой-то вариант женского плюрализма. Кто на это пойдёт? Где гарантия, что сотни чиновников откажутся от своих привилегий? А если это произойдёт, то их разорвут на части даже при том, что кто-то из них работал честно. На мой взгляд, умная часть нашей элиты давно видит, что развитие остановилось, наступила круговая оборона, всё идёт не так, как декларируется, и вариантов мирного ухода не получится. Поэтому эта идея, с моей точки зрения, зачёт получить не может.

Нина Ивановна в ответ на предложенную игру в “зачёт” и “неуд”, засмеялась, но не растерялась, а продолжила:

— Этот сценарий, конечно, не является идеальным. Тогда в запасе есть вариант — “инклюзивность снизу”. Растущий гражданский протест на улицах может привести к смене власти. Во времена крупных митингов на Сахарова и Болотной кто-то записал диалог между сотрудником ОМОНа, стоящим в оцеплении, и демонстрантом. Демонстрант, удивлённый вежливостью полицейского, услышал следующее: “Если вас будет пять тысяч — мы вас скрутим и посадим в автозаки, если вас будет пятьдесят тысяч — мы стоим в сторонке, а если вас будет пятьсот тысяч — мы пойдём вместе с вами”.

Как бы скептически ни относился Сергей Иванович к женскому плюрализму, но для него стало очевидным, что Нина Ивановна ярко мыслит, владеет словом и говорит здраво и убедительно.

— А вы что думаете, Сергей Иванович, существует иной путь, или пусть всё останется как есть, лишь бы не было войны?

— Я думаю, что попрание прав и свобод человека и полный холодильник — это стабильность по-русски. Попрание прав и свобод человека и пустой холодильник — это революция. А поскольку начальство говорит, что лимит на революцию у нас в России закончился, то мой личный тезис очень прост: жить лучше — настолько лучше, чтобы выжить. Но поскольку меня сегодня дважды отлупили, выбили зубы и наказали практически ни за что, то отныне главные претензии к российским властям у меня такие. Первое: отсутствие предпосылок к успешному и устойчивому экономическому развитию. Согласны?

Нина Ивановна кивнула.

— Второе. У всех больших и богатых стран есть правовая среда, построенная на принципах главенства закона и независимости судебной системы, гарантирующей равенство всех граждан перед законом. С этим вы, возможно, тоже согласны.

Нина Ивановна помотала головой, но всё-таки загнула и второй палец.

— И, наконец, третье. Сегодня я в полной мере это почувствовал на своей шкуре. Это необходимость защиты гражданских и экономических прав и свобод не на словах, а на деле. На мой взгляд, такие принципы способствовали бы нашему успешному развитию. Если этого не произойдёт в ближайшее время, страна рано или поздно упрётся во внутренние противоречия

собственного “особого пути”. Думаю, что при умелом маневрировании мы сможем какое-то время продержаться. Но затем...

Нина Ивановна загнула ещё один палец и добавила:

— Случится то, что произошло с экономической моделью Советского Союза.

Дубровин улыбнулся, взял её руку с четырьмя зажатými пальцами и поцеловал.

— И где же выход? — спросила она.

— При неизменности текущего курса его нет. Один академик с пронзительными глазами прямо написал, что нынешнее состояние напоминает осень сорок первого года. А ведь этот человек — один из талантливейших экономистов нашей страны.

После дискуссии, они, наконец, допили забытый в пылу разговора коньяк и несколько минут молча смотрели друг на друга. Было видно, что этот безмолвный гипноз их обоих смутил и обрадовал. Из другой комнаты появился заспанный Володя. Он без любопытства посмотрел на них, кивнул головой, достал из холодильника бутылку кефира и две котлеты и отправился назад. Нина Ивановна крикнула вслед:

— Может, котлеты разогреть?

— Потом! — послышалось в ответ.

— А чем занимается сын? — спросил Сергей Иванович.

— Он заочник. Пошёл по стопам отца: учиться на юриста в Московском гуманитарном университете. Сейчас подрабатывает: вечером смена, охраняет закрытый объект.

Возникла неловкая пауза, когда надо было начать говорить о чём-то личном, но они замолчали, украдкой глядя друг на друга. Наконец, Нина Ивановна решительно сказала:

— Пойду, выведу наших собак и начну готовить обед. А вы, Сергей Иванович, прилягте в гостиной. Я там всё приготовила для вас.

— Когда? — с удивлением спросил Дубровин.

— Когда вы были в ванной. Вам надо отдохнуть.

Она развернулась и, чувствуя, что он смотрит вслед, повела бёдрами и, стеснительно прикрыв их рукой, ушла. Вскоре из прихожей донёсся радостный лай собак, потом хлопнула дверь и настала тишина.

Дубровин прошёл в хорошо обставленную гостиную. На стенах висело много фотографий, картин, дипломов. Особое место занимал портрет мужчины, сидящего в зале на фоне большой группы людей. “Муж, — мелькнуло в голове Дубровина. Но он тут же себя поправил: — Бывший муж”.

Укладываясь на диване, он мельком взглянул на стоящий напротив телевизор, но равнодушно отвёл глаза. Засыпая, Сергей Иванович всё никак не мог вспомнить что-то существенное, насторожившее и обрадовавшее его. Наконец, вспомнил! Когда Нина Ивановна собралась уходить, она сказала: “Пойду, выведу наших собак”. Наших!..

* * *

Призывный, живительный запах доносился из кухни, но он вспомнил про свой разбитый рот, ноющие десны и зубы и решил ещё полежать. Повернувшись на бок, Сергей Иванович неожиданно головой уткнулся во что-то твёрдое. Под подушкой в его лицо упёрся пульт от телевизора. Он хотел его спрятать глубже, но тронул, и телевизор громко включился. По телевизору недавно начали показывать выпуск новостей. Нехотя, краем глаза он стал смотреть программу, возвращаясь мыслями к завязавшимся отношениям с Ниной Ивановной. Он был так оскорблён предательством жены, что только теперь до него дошло, что и его жену тоже зовут Нина.

Наконец, дикторша заговорила о субботней демонстрации. Дубровин присел на диване и весь напрягся, глядя на экран. Вначале дали общий фон противостояния: молодые ребята с криками бросались на омоновцев, те их отгоняли, пугая демонстрантов дубинками. Видно было, что из толпы вы-

хватывают одного за другим молодых людей и ведут к автозакам. Тем, кто сопротивлялся, заламывали руки, ставили у борта машины и, обыскав, бесцеремонно вталкивали в распахнутую дверь. По-видимому, задержаний было много, поэтому дикторша никаких цифр не называла.

Неожиданно на экране Сергей Иванович увидел лицо Орлова. В кадре был знакомый подъём дороги в его деревню, а вдалеке виднелась излучина реки Мутенки. Орлова задерживали несколько человек. Из его рук вырвали ружьё, надели наручники и, согнув в три погибели, принялись грубо вталкивать в приоткрытую кабину полицейской машины. При этом диктор гневным голосом комментировала происходящее:

— А вот сейчас вы видите задержание так называемых идейных вдохновителей, а на самом деле — подстрекателей участников этих акций. Только что на ваших глазах было произведено задержание одного не первый раз привлекаемого к ответственности преступника, скрывающегося от правосудия. На этот раз он не только участвовал в подстрекательстве своих учеников, уже задержанных и находящихся в СИЗО, но и попытался бежать из Москвы. Его выдали сообщники. При задержании этот человек, имя которого мы в интересах следствия не называем, оказал сопротивление, угрожая полиции охотничьим ружьём, заряженным картечью.

В этот момент полицейский в кадре “сломал” ствол ружья, и на дорогу вывалились два патрона, которые показали крупным планом. Дикторский текст с трудом доходил до Дубровина. Он не верил своим глазам и ушам. Такого, казалось ему, просто не могло случиться. Слова о провокаторе он, конечно, не принял на свой счёт, тогда кто же? Кто этот человек, который дал наводку на его дом?

В тот момент, когда Дубровин увидел покотившиеся по дороге патроны, которые ещё недавно были в его руках, он, наконец, окончательно проснулся. Он вскочил с дивана, словно сквозь его тело пропустили электрический заряд нестерпимой мощности. В голове сразу молотком застучала кровь, кожа стала медленно покрываться потом, ручейки которого начали сползать по шее и спине.

Только теперь Дубровин вспомнил, что не кто-нибудь, а он сам зарядил этими патронами подаренное ружьё, что это он сам, собираясь убить неверную жену и любовника-друга, уходя из дома, оставил это проклятое ружьё заряженным. Он схватил гудящую голову руками и, словно из тюбика, выдавил одну неотвязную мысль, которая быстро пролетела в его сознании: “Я его подставил!”

И тотчас другая, уже гадкая мысль отозвалась в его подсознании: “Не прощай предательство. Никому. Никогда”. Словно в подтверждение этой мысли, дикторша сообщила, что теперь преступник по совокупности содеянного может получить от пяти до семи лет строгого режима.

Чтобы немного опомниться, он незаметно прошёл в ванную комнату, встал под душ и долго с остервенением поливал себя, сменяя холодную воду горячей. Контрастный душ взбудрил Дубровина. Он буквально выпрыгнул из ванны, растёр себя махровым полотенцем и быстро оделся. Телевизионное сообщение так его потрясло, что он забыл про разбитый рот, автозак и чудесное спасение. У него не выходили из памяти подсунутые им Орлову патроны. “Сейчас, — думал он, — из-за меня этому моему, пусть и бывшему, товарищу действительно могут впаять озвученный диктором срок”.

Он вспомнил выражение лица Орлова в телерепортаже, когда тот увидел, что ружьё оказалось заряженным. Если первую часть вины он брал на себя, то другую — кто мог информировать, что Орлов скрывался у него в доме, — поставить себе в упрёк Дубровин не мог.

И вдруг Сергей Иванович вспомнил о записке, которую во время застолья он передал Виктору, а тот с каким-то вызовом кинул её на стол, словно приказ для исполнения. Утром эта записка исчезла. Неожиданно его осенила мысль: а если она попала к омоновцам, что тогда? По этому вещественному доказательству получается, что он и его жена являются прямыми соучастниками: в их доме скрывался вооружённый преступник, по просьбе которого он, Дубровин, предупредил группу Орлова о возможном аресте.

В контексте таких размышлений картина вырисовывалась очень неприятная. Сергей Иванович знал свой характер, верил, что никогда не был трусом, однако не исключал, что всё случившееся может дойти до университета, отразиться на работе и на его безупречной репутации.

“Вся эта история вполне может кончиться увольнением”, — размышлял он. Ему было хорошо известно, что разразившаяся пандемия стремительно сокращает рабочие места в образовательной системе. “Да, вот уж действительно, “не думал, не гадал, как в беду попал”. Меньше всего он сейчас думал о жене и её измене. Мимолётная измена редко приносит счастье и больше похожа на мелкую подлость.

Неожиданно он вспомнил о Варваре Игнатьевне. Мысленно он восстановил картину прощания с ней. И тут всплыла в памяти подаренная визитка, которую он нашёл в своём пиджаке, в нагрудном кармане. Сбоку шариковой ручкой был записан её мобильный телефон.

Он набрал номер и услышал знакомый голос. Когда Варвара Игнатьевна разобралась, кто звонит, она разрыдалась. Прерывающимся голосом она всё время повторяла: “Хо-ро-шо, что хотя бы вы на сво-бодe”. Только спустя несколько минут они стали разговаривать без эмоций. Варвара Игнатьевна уже спокойнее сообщила, что Виктор, Алексей и Вика находятся в СИЗО, что она съездила к ним и отвезла продукты, что все нужные документы они написали и ждут суда.

— Суд? — возмутился Сергей Иванович. — Какой суд, ведь они не участвовали в демонстрации. Ну, положим, Вика ударила омоновца. Но ведь тот вёл себя возмутительно и сам её спровоцировал. Я это в любом суде могу подтвердить. А Виктор вообще ни при чём. На моих глазах он порвал плакат с этим дурацким лозунгом о бункерном деде. Больше ведь ничего не было! — горячился Дубровин. — Что им могут вменить, за что наказать?

— В том-то и дело, что есть, — она всхлинула и стала перечислять: — Во-первых, это не первое задержание. Во-вторых, когда вас с Викой повели в автобус, ребята стали сопротивляться. Особенно Виктор, который давно влюблён в Вику. А за сопротивление строго наказывают. Позже Виктор раздобыл у кого-то телефон и звонил мне. Говорил, что их могут или на какое-то время посадить, или, в лучшем случае, присудить штраф. Но это — в лучшем случае.

— Штраф? Сколько он может быть, этот штраф? — спросил Дубровин.

— Ну, на троих, дай Боже, сто тысяч. Прошлый раз мы за ребят платили по пятнадцать. Больше всего Виктор переживает, что подставил вас.

На этих словах Дубровин насторожился и переспросил:

— За что переживает?

— За вас. Когда у него забирали мобильный, выпала ваша записка. Он, конечно, ничего не сказал и не скажет, но её пришлили к делу, и не исключено, что вас будут искать, чтобы снять показания.

В ту же секунду Дубровин понял — худшее, что он мог предполагать, произошло. Теперь полиция легко установит связь: Орлова — с ним, а его — с ребятами. Чем не групповое дело с вовлечением в заговор несовершеннолетних?

— В каком СИЗО они находятся? — севшим голосом спросил Сергей Иванович.

— В центральном. Следственный изолятор № 1, улица Матросская тишина, дом 18. Если хотите, я дам вам телефон.

— Давайте, я запишу. — Дубровин быстро переключил мобильный.

— Пишете?

— Да, — отозвался он и забил номер в телефон: 8 (499) 268-43-56, дежурная часть.

— Теперь надо искать адвоката и на всякий случай — деньги, — продолжила Варвара Игнатьевна.

— Варвара Игнатьевна, — торопливо заговорил Сергей Иванович, — пожалуйста, не волнуйтесь, деньги я беру на себя. Что касается адвоката — давайте искать его вместе. Итак, будем держать связь. Как только что-нибудь у меня прояснится, я вам позвоню. До свидания.

Варвара Игнатьевна торопливо попрощалась, а Дубровин, тяжело вздохнув, отключил телефон и нехотя пошёл на кухню, откуда доносились запахи готовящегося обеда. Когда он там появился, Нина Ивановна торжественно сообщила:

— Пока у нас зубы ещё не отремонтированы, я приготовила вам куриный бульон с протёртой курицей, котлеты и нежное картофельное пюре. Это всё не опасно. К тому же, пока вы спали, я переговорила с дочерью. Несмотря на то, что к нам приезжает её отец, она вас примет в 14.00. Это здесь недалеко, рядом с метро “Царицыно”. Клиника “Антиболь”. Поскольку мой муж эту клинику сделал для неё, он периодически приезжает к дочери, ну, и к нам, разумеется, с ревизией. Завтра Володя отвезёт вас в кабинет и доставит обратно.

— Спасибо, — сказал Дубровин, присаживаясь за стол. Как это хорошо, когда женщиной всё правильно предусмотрено, и без твоего участия, потому что женщина должна расслаблять мужчину, а не ослаблять.

Вскоре хлопочущая вокруг него хозяйка с недоумением заметила, что её усилия по приготовлению обеда никак не оцениваются. Дубровин ел отрешённо, думая о чём-то своём. Налив ему чай, Нина Ивановна решила спросить, что, собственно, случилось и чем он так расстроен.

— Сергей Иванович, вам не нравится обед? — деликатно поинтересовалась она.

— Нет, что вы, обед замечательный, — ответил он, несколько сконфуженный.

— Вы же на свободе, а я вижу, что вас что-то гнетёт.

Дубровин больше не мог всё держать в себе. “Кому, как не ей, всё рассказать, — подумал он, — моя ученица, и видно, что я ей не безразличен”.

— Я на свободе, а мои ребята сейчас в СИЗО, — начал он. — С Викой вы познакомились, но есть ещё Виктор и Алексей. Их задержали после меня. Я только что разговаривал с Варварой Игнатьевной — матерью Виктора, они ждут суда. Дело обстоит так, что их либо посадят, либо назначат штраф.

— Я слышала, что вы с кем-то разговаривали, это была их мать?

— Да, мать Виктора. Я познакомился с ними только вчера. Один человек по фамилии Орлов... Кстати, вы не слышали об Александре Орлове, преподавателе истории в средней школе? — Дубровин вспомнил, что номер школы он так до сих пор и не знает. — В молодости мы с ним дружили.

— Одного человека по фамилии Орлов я знаю, — оживилась она, — он выступал с большим успехом в декабре в подмосковных Снегирах на съезде КПРФ, который выдвинул кандидата в президенты. Такой бородатый человек с низким голосом. Он заметно хромал и не хотел говорить в микрофон. Ему ещё все кричали с задних рядов: “Говорите в микрофон”. А он в ответ: “Ленин говорил без микрофона, поэтому его все понимали”. По этой реплике я его и запомнила. Кстати, ему засвистели, но он стоял, как вкопанный. Выступил он здорово.

Дубровин вспомнил, что при встрече он об этом случае слышал от самого Орлова. Проснулась то ли ревность, то ли ненависть к любовнику жены, но Дубровина понесло. Он начал рассказывать, как Орлов приехал с просьбой погостить, а на самом деле попросить его поехать в Москву и уговорить ребят не участвовать в демонстрации.

Дубровина прорвало, и он решил поделиться и главным, тем, что произошло, когда его привёз домой Володя. Он рассказал о заряженном картечью ружье, о желании убить жену и любовника и даже о том, что он сфотографировал эту парочку своим мобильником. В качестве иллюстрации он нашёл в телефоне фотографию и показал её Нине Ивановне. Возникла долгая пауза. Она хотела налить ему коньяку, но он отказался.

— Всё это стаканом не заглушишь, — сказал он и отвернулся к окну, где вдалеке виднелся фасад большого Царицынского дворца.

— Когда вы внезапно вернулись с Володей к нам, — осторожно заговорила она, — я подумала, что что-то подобное могло случиться. Вы столько раз звонили, а она не отвечала. Простите за нескромный и прямолинейный вопрос: вы до этого уличали вашу жену в неверности?

Дубровин даже вздрогнул от такого бестактного вопроса. Ничего себе “прямолинейный вопрос”! Ужалила в самое сердце и ещё извиняется за нескромность! Тем не менее он сдержал первую импульсивную реакцию и тут же про себя отметил, как же всё-таки трудно говорить правду и как легко лгать. Он с благодарностью посмотрел на Нину Ивановну и ясно понял, что вся паутина его семейной жизни порвалась и теперь главное — не врать себе.

— Мою жену в измене я не уличал, — твёрдо сказал он. — Правда, моя Нина — мою жену тоже зовут Нина, только Семёновна, — в молодости дружила с Орловым. Благодаря ему я с ней и познакомился. Тогда мы, молодые историки — педагоги, студенты, выпускники — участвовали в работе клуба “Витязь” и все там перезнакомились. После клуба часто встречались в домашней обстановке. Ну, конечно, со всякими вытекающими из этого последствиями: романами, влюблённостями и даже браками. На одном таком вечере я впервые увидел первокурсницу МГПУ Нину Столярову. Вот и всё! Потом моя гражданская жена уехала в Штаты, и мы поженились с Ниной.

— У вас есть дети?

— К сожалению, нет, — Дубровин остановился, хотел рассказать о тех усилиях, которые они с женой прилагали, чтобы завести детей, но смолчал. Продохнув, он с какой-то крикливой интонацией продолжил: — И вдруг приехал этот тип! В сущности, скрылся у нас от преследования.

— Простите, Сергей Иванович, а вы уверены, что жена вам изменила?

— Так я видел их в нашей постели. Я это видел своими глазами. Какие ещё нужны доказательства? — с иступлённым лицом выкрикнул Дубровин. — Орлов боялся кому-либо звонить, говорил, что телефон его прослушивается, а затем всучил мне наспех написанную записку и уговорил вместе него поехать в Москву. Я должен был предупредить его ребят, чтобы они не вздумали появляться на демонстрации. Теперь эта записка попала в полицию, Орлов арестован, ребята в СИЗО, а я, по всей видимости, буду вызван в суд, в неизвестном пока качестве. В довершение всего только что по телевидению объявили, что Орлов арестован, задержан вооружённым, и что ему грозит от пяти до семи лет лишения свободы. А поскольку с этими патронами я его подставил, то и мне по совокупности, за сокрытие преступника и выполнение его поручения, светит тоже немало. Одна только фраза в записке: “Для подлинной революции время ещё не пришло”, — говорит сама за себя.

— Эта фраза ничего не значит! — резко перебила его Нина Ивановна. — Эта фраза — не призыв к революции. Я не видела этот сюжет по телевизору, может быть, вечером будет повтор, но если всё так, как вы рассказываете, ему действительно грозит срок. Если вы, конечно, не возьмёте на себя факт появления патронов в этом ружье.

Дубровин повернулся и уставился на неё, словно на сумасшедшую.

— То есть вы предлагаете, чтобы я нарисовался там и сообщил, что ружье в руках у любовника моей жены оказалось случайно, что патроны — дело моих рук и что Орлов ни в чём не виноват? Так, что ли?

— Нет, Орлова задержали вооружённым — это факт. Но если вы, положим, выступите в суде и станет известно, что не он, а вы зарядили ружьё и хотели убить его и вашу жену, а он только пойман с этим ружьём, то это меняет дело.

— И что же меняется в моём положении? — иронично спросил Дубровин.

— Меняется, и во многом. У вас юридически чистый вариант. С уголовной точки зрения вы совершили добровольный отказ от задуманного преступления, а это не подлежит уголовному преследованию.

— Откуда вы всё это знаете?

— Не забывайте, что у меня сын учится на юриста, а годы брака с мужем-юристом не прошли даром. Я из этой юридической премудрости многого нахваталась. Правда, вам это будет стоить потери репутации, а ему, если он не сопротивлялся при задержании, скосят года два.

— Вы хотите, чтобы я себя подставил, стал смешным и жалким, обманутым и трусливым, — заводился Дубровин, — заявил публично, что не смог

их застрелить и бежал к женщине, которая провоцирует своего старого учителя на признание в том, в чём был и не был виноват, так что ли?

— Во-первых, не кокетничайте, мой дорогой учитель, все бы выглядели так, как вы, находясь в таком щекотливом положении. Кроме того, факт измены вашей жены кажется мне сомнительным. Таким мужьям, прожив столько лет, без веской причины не изменяют. Во-вторых, я бы сделала всё, чтобы освободить из СИЗО ваших мальчиков. В-третьих, несмотря на ваши подозрения, я помогла бы Орлову и предъявила следствию важный для него козырь, состоящий в том, что ружьё ночью было заряжено вами.

Она помолчала, испытующе взглянула на Дубровина и совсем просто добавила:

— Есть старая истина, что человек должен оставаться порядочным в любых условиях и при любой власти. Порядочность не предполагает героичности, она предполагает неучастие в подлости.

— Но как это доказать? Кроме собаки, там меня никто не видел! — воскликнул Дубровин.

— Да, это трудно доказуемый факт. Но то, что вы приехали на дачу, может подтвердить мой сын, а повод убить жену и, положим, любовника был — есть фотография. Кстати, на фотографии должно быть время съёмки.

Она закурила и замолкла, пристально всматриваясь в Дубровина. Он взглянул на снимок, удостоверился, что он сделан в половине второго ночи и, обрадовавшись, что есть хоть какое-то алиби, попросил сигарету и для себя. И эта курительная пауза странным образом их примирила. Дубровин чувствовал, что, следуя её логике, он сможет, при всех потерях, сохранить человеческое достоинство.

— Хорошо, а как освободить ребят? — уставился он на неё, как на надежду в последней инстанции. — Деньги я дам. Вот, у меня сбербанк в телефоне. Сто тысяч я могу передать Варваре Игнатьевне хоть сейчас.

Нина Ивановна вдруг радостно улыбнулась, неожиданно вспомнив человека, благодаря которому им счастливым образом удалось выбраться из автозака, и весело сказала:

— А почему бы нам снова не обратиться к Самсонову? Телефона у меня нет, но я знаю его бывшего классного руководителя, возможно, она нам подскажет. Мы с ним посоветуемся и сообщим ему, что готовы за ребят заплатить штраф. А вдруг это пройдёт? Вы же знаете эту мудрость, — и она с грузинским акцентом сказала: “Попытка — не пытка”.

Классная руководительница продиктовала Нине Ивановне номер телефона Самсонова, и вскоре они с Володей уже ехали в СИЗО, на Магросскую, 18. По дороге заехали в Сбербанк, и Дубровин взял из банкомата сто тысяч наличными. Самсонов они нашли быстро. Он уже пронюхал, каково положение дел, и был настроен скептически.

— У них серьёзные обвинения, — начал он, когда все устроились в машине, — особенно у Алексея Сокольников. Оказывается, он притащился на демонстрацию с плакатом, оскорбляющим “самого”. А это под особым контролем и строго наказуемо. Только тот мотив, что они несовершеннолетние, может спасти ситуацию.

Тут Нина Ивановна, призвав на помощь всё своё красноречие, подкреплённой юридической аргументацией, принялась уговаривать Самсонова, и тот, взяв пачку денег, пошёл на разведку.

В этот момент Дубровин увидел у входа в СИЗО свою жену. Не удержавшись, он показал её Нине Ивановне. Та горячо стала убеждать его, чтобы он вышел из машины и переговорил с женой, но Дубровин наотрез отказался.

— Тогда хотя бы позвоните ей, дайте знать, что вы живы. Один звонок, ну, что вам стоит? Посмотрите, какое для неё это будет счастье.

Дубровин, наконец, уступил, достал мобильный и позвонил. Издалека видно была, как жена схватила мобильный, и в кабине раздался её голос.

— Серёжа, это ты? Это я — Нина.

Дубровин не отвечал.

— Серёжа, где ты? Я узнала, что тебя отпустили. И почему ты не звонишь, не появляешься? Я сейчас в СИЗО, это Матросская тишина. Я приехала сюда к Орлову, привезла ему продукты. Если ты в Москве, то я готова встретиться, чтобы вместе вернуться в деревню. Серёжа, не молчи! Что случилось, что ты не хочешь со мной разговаривать?

Дубровин отключил телефон. Потрясая мобильным перед глазами Нины Ивановны, он с разъярённым лицом повторял одно и то же:

— Вы видите, она привезла ему продукты! Она своему любовнику привезла продукты!

Дубровина не смущало даже, что его слышит Володя. Видно было, что Нина стала снова набирать номер телефона, но Дубровин трясушимися руками отключил мобильный. Нина Ивановна обняла его за плечи и стала успокаивать. Прошёл час. За это время Нина успела передать продукты и прошла мимо их машины в десяти шагах. Дубровин на всякий случай пригнулся, чтобы жена случайно не увидела его.

Наконец, появился Самсонов. Вся его коренастая фигура, широкое лицо и сверкающие глаза говорили о положительном результате. С победной улыбкой он сообщил, что, хоть и с трудом, всё удалось уладить.

— Ваше счастье, что дело ещё не успели передать в суд, — торопливо докладывал он, — поэтому вашим мальчишкам повезло. Но сегодня их не выпускают. А вот завтра они наверняка будут дома.

Растроганная Нина Ивановна неожиданно поцеловала своего ученика и вдруг из сумки вытащила пакет с подарками.

— Это тебе, — радостно сообщила она, — спасибо!

И, похлопав Самсонова по плечу, добавила:

— Я горжусь тобой, Самсонов, потому что “лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить”. Ребята ни в чём не виноваты, и на демонстрации они не были.

Когда Самсонов ушёл, она, провожая его взглядом, заметила:

— Знаете, Сергей Иванович, что дорого мне в Самсонове? Ведь он был пропащий парень, а сегодня я им горжусь.

Потом помолчала и прибавила:

— Ему с таким характером здесь не место, ему учиться надо.

Она посмотрела на Дубровина и сказала:

— Подумайте об этом.

Через час Володя привёз их в Царицыно и поехал на работу. Дубровин и Нина Ивановна поднялись на лифте на третий этаж и, остановившись около двери квартиры, отчётливо услышали, что внутри звучит музыка.

— Кажется, нас ждёт сюрприз, — с озадаченным видом сообщила Нина Ивановна. — По-моему, дочка привезла моего бывшего мужа. Он мне звонил на прошлой неделе, сказал, что собирается в Москву с каким-то поручением, — быстро сообщила она и нажала на кнопку звонка.

Дверь широко открыла молодая высокая женщина с жизнерадостным выразительным лицом, очень коротко подстриженная, как и её мать. Дубровин сразу понял, что это та самая стоматолог Ольга, которая ждёт его завтра к двум.

— Я вижу, ты не одна? — целуя дочь, с каким-то укором спросила Нина Ивановна.

— Как ты догадалась?

— Это старьё включает только твой отец, да ещё на всю мощь.

Старьём была группа АВВА, которая действительно гроыхала из глубины квартиры, исполняя свою знаменитую “Money, Money, Money”.

— Знакомьтесь! — обернулась она к Дубровину. — Это моя дочь Ольга, а это — Сергей Иванович Дубровин, мой преподаватель в МГУ. Это о нём я давеча тебе говорила.

Ольга поздоровалась с Дубровиным, и все трое прошли в прихожую.

— Отец решил заехать к тебе, он хочет о чём-то посоветоваться. У него завтра встреча в МИДе, — чётко доложила Ольга.

В этот момент в проёме дверей появился высокий, крепкого сложения мужчина с ухоженным лицом и безукоризненной причёской. Создавалось

впечатление, что он сошёл со страниц журнала мод. На нём был первоклассный костюм тёмно-синего цвета, из нагрудного кармана которого кокетливо торчал уголок платка, подобранного в тон галстуку. На вид мужчине было лет пятьдесят с небольшим. Увидев Нину Ивановну и Дубровина, он одарил их голливудской улыбкой и, нежно поцеловав в щёку бывшую жену, протянул руку Дубровину.

— Андрис, отец Ольги и бывший муж, как мне доложила дочь, вашей ученицы госпожи Калвайтис.

Дубровин вспомнил, что видел портрет этого человека в гостиной. Оценив хороший русский бывшего мужа, Дубровин ответил по-латышски, произнеся не забытое с детства “свейки”.

Господин Калвайтис одобрительно закивал и, большой ладонью заграбастав и тряся руку Дубровина, сказал:

— Никогда не забываю свои годы учёбы в Москве. Москва — чудесный город. И хоть весь мир не всегда восхищается поведением Кремля, но Москву любят все. Говорят, даже инопланетяне.

Он весело засмеялся, но, увидев озабоченное лицо Нины Ивановны, замолк. Нина Ивановна обернулась к дочери и спросила:

— Ольга, ты догадалась вывести наших собачек?

— Нет, мама, — виновато ответила Ольга.

— Тогда давай мигом на улицу, а мы займёмся ужином.

— Проходите, Сергей Иванович, — пригласила Нина Ивановна и первой вошла в гостиную. — Андрис, ты бы снял пиджак, а то ты так одет, словно собрался на выставку по экстерьеру.

— Представь себе, завтра с утра у меня встреча в МИДе, — снимая пиджак и усаживаясь на диван, похвастался Андрис.

— С Лавровым? — с едва заметной иронией спросила она.

— Вначале с Захаровой, потом с кем-то из замов. Ты же знаешь, что ещё в марте 2019 года в Риге была международная конференция, на которой мы обсудили совместные действия по компенсации.

— Вот видите, Сергей Иванович, кого мы принимаем сегодня: представителя Сейма Латвии, прибывшего с дипломатической миссией в Москву по вопросу компенсации от России за “советскую оккупацию”, — заговорила она раздражённым тоном.

— Нина, я не уполномочивал тебя представлять меня твоему гостю в таком качестве.

— А почему бы тебе не подготовиться к встрече в МИДе, пройдя короткую консультацию с видным историком профессором Дубровиным?

— К сожалению, я не знаю подробно эту тему, — поспешил уйти от разговора Сергей Иванович. Ему не нравилось, что он становится свидетелем пикировки бывших супругов. — Слышал, что Прибалтика живёт мечтами добиться денежных компенсаций от России.

— А я вас введу в курс дела, — поспешила ответить Нина Ивановна. — Всё просто, но хитроумно. Прибалтика живёт прошлым. Не сумев решить собственные экономические проблемы, эти три страны пытаются взыскать ущерб за “советскую оккупацию”. — Она обернулась к мужу и спросила: — Андрис, тебе не налить аперитив перед ужином?

— Я не голоден. Ольга у себя меня накормила, — торопливо ответил он. — А вот коньяка выпью.

Дубровин заметил, что когда бывший муж говорит быстрее, то в его речи проскальзывает какой-то свистящий акцент. Нина Ивановна достала из буфета графин с коньяком, налила три рюмки и придвинула их к краю стола.

— Угощайтесь, — сказала она и первой пригубила коньяк. Сбросив с вазы, наполненной фруктами, салфетку, повторила: — Угощайтесь. Так вот, по сводкам, мне знакомым, сегодня, например, только Латвии Россия должна около трехсот миллиардов евро.

— А что тебя здесь удивляет, Нина? — спросил Андрис.

— А то удивляет, дорогой мой дипломат, почему прибалты забыли о советских вложениях?

— А разве мы настаивали на этих вложениях, нас кто-то спрашивал? Мы просто были поставлены перед фактом.

— Андрис, выдвинутые вами требования — это фантазия больных людей.

— Ничего подобного! Всё очень просто: мы добиваемся денежных компенсаций от России.

— За что? — всё больше удивлялась Нина Ивановна.

— За то, что СССР оккупировал нас с 1940-го по 1991 год. И за эти годы Кремль задолжал Литве, Латвии и Эстонии внушительные суммы. Специально созданная в Латвии комиссия оценила в евро демографические потери, ущерб от советских военных баз и то, как повлияла оккупация на латвийскую культуру. Россия, по подсчётам этой комиссии, должна выплатить триста миллиардов евро, из которых сто восемьдесят пять миллиардов — это экономический ущерб. Россия — правопреемница СССР, и обязана компенсировать странам Прибалтики нанесённые убытки.

— Что вы скажете на это, Сергей Иванович? Вот с какой миссией приехал мой бывший супруг в Москву.

— Я вёл курс истории русских городов. Если не ошибаюсь, то, по скромным подсчётам, Россия за это время построила в Латвии около пятисот фабрик и заводов. К началу 1990-х годов Прибалтика имела современную обрабатывающую промышленность и энергетику, плотную сеть качественных автодорог и хорошо оборудованные морские порты. Это вложения на огромные суммы в инфраструктуру, которой пользовался весь латышский народ. — Дубровин сделал паузу и, взвесив всё, решил перейти в атаку. — Меня удивляет во всей этой истории другое: какое право имеют латыши требовать компенсацию со страны, которую сами создали?

Возникла пауза. Нина Ивановна с недоумением переглянулась с Андрисом, стараясь понять смысл того, что они услышали.

— Что вы имеете в виду, профессор? — переспросила хозяйка.

— Сейчас объясню. — Дубровин отпил коньяк, по привычке зашёл за стул, как за кафедру, и со знакомой Нине Ивановне интонацией сказал: — Для начала коротко: компенсацию от России требует республика, провозгласившая основным и государствообразующим латышский этнос. Вспомним, русские составляют около сорока процентов населения страны и не считаются коренными. Вы как представитель Сейма должны знать, что наши предки, наравне со многими европейскими народами, заселяли территорию нынешней Латвии с IX до XI века. С тех же времён балтийские племена осваивали эти земли. Разница в том, что пришлые племена основали и строили здесь всё вплоть до XX века, а потомки латов, латыши, являлись гостями в государственных образованиях “оккупантов”.

Андрис хотел возразить, но Дубровин остановил его.

— Я тотчас дам вам слово, как только скажу главное. Повторяю, латыши не имеют права требовать компенсацию со страны, которую сами создали.

— Не понимаю, какую страну мы создали? — возмущенно спросил Андрис.

— Нашу страну, СССР.

— Ничего не понимаю! — ухмыльнулся муж Нины Ивановны.

— Объясняю: претензии предъявляются страной, которая, получив независимость от ленинского правительства, словно кошелёк с дороги, почти сразу устроилась под крылышко Германии, организовала этнические и религиозные чистки, лишила русских и поляков права говорить на своём языке и применила другие методы национальной сегрегации. Недолго пробыв независимой, Латвия была возвращена на территорию бывшей Российской империи, где она пребывала постоянно три последних века, затем её отняла Германия, а затем в 1945 году Союз вернул своё назад. Но это ещё далеко не всё. Ваш предшественник, латышский дипломатический работник Сескис писал в книге “Возникновение Латвийского государства”, что представители Англии и Франции заявляли ему, что “если бы не было латышских стрелков, не было бы больше большевизма и большевистского правительства”.

— Ах, вот вы какие примеры решили привести. Какая-то сотня-другая латышских стрелков когда-то охраняла Ленина, а русский историк приписывает им создание большевистского государства.

Услышав слово “приписывает”, Дубровин словно сорвался с колков. Его понесло, и он стал выкладывать то, что явно неуместно было в том положении гостя, в котором он находился.

— Нет, это латышские историки явно кривят душой, указывая цифру не то в сто-двести, не то в тысячу штыков, чтобы уменьшить их роль в становлении Советской власти. Однако факт остается фактом: Красную армию и ВЧК прошли не менее ста тысяч латышей, которые стали самыми многочисленными интернационалистами и самыми верными большевистскому режиму частями. При создании этого “щита и меча революции” чекист номер один Дзержинский опирался на своих главных помощников — латышей Лациса и Петерса. В Красной армии не было ни одной части, где бы латыши не занимали ответственные посты.

— Стоп! — закричал дипломат, вскочив с дивана и нависнув над Дубровиным. — Эти люди никогда не являлись представителями Латвии и не были ею посланы.

— А какая разница? Факт в том, что именно латыши своими штыками установили власть того самого “советского монстра”, от которого вы теперь требуете компенсации. Прошу заметить: в самые сложные для Советской республики времена спасали её именно латышские стрелки. Именно они подавили левозэсеровское выступление в Москве в июле 1918 года и приняли участие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Разве не так? Это они спасли большевиков осенью 1918 года, отбросив на Восточном фронте белогвардейцев и чехословаков от Волги. Это латыши беспощадно давили крестьянские восстания на Волге и в центре России. Именно из латышских стрелков в основном и состояли конвойные батальоны ВЧК, исполнявшие приговоры врагам Советской власти. И, кстати, первым Главнокомандующим вооружёнными силами РСФСР был Вацетис, а первым начальником ГУЛага стал бывший латышский стрелок Эйхманс. А позже, во время Великой Отечественной войны, сколько перебежчиков было из латышей? Нет числа! Гитлер называл ваших перебежчиков из красного лагеря в нацистский бифштексами. Кстати, такие бифштексы из числа латышей заметно отличились в составе частей СС при проведении карательных операций в Новгородской, Псковской, Тверской областях и на белорусской Витебщине. Сами немцы были удивлены сделанным латышскими айзсаргами сюрпризом.

Андрис замахал руками, пытаясь остановить Дубровина, но он и не собирался останавливаться.

— Я понимаю, такие воспоминания вам не нравятся, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Не успели последние солдаты Красной армии уйти с латвийской земли, как всё еврейское население было переловлено и заключено ими в гетто, откуда его выводили на расстрел в печально знаменитый Румбульский лес.

Неожиданно в коридоре раздался лай, и Дубровин, сбавив напор, уже миролюбиво закончил:

— Когда вы будете говорить с Захаровой и Лавровым, не забывайте, что они в состоянии вам об этом недипломатично напомнить. Конечно, вы можете по-прежнему просить компенсацию, приводить разные аргументы, но вряд ли это поможет и вряд ли вам удастся на этом постыдном бизнесе заработать денег.

— А за сбитый голландский “Боинг” вы намерены заплатить? — злобно выкрикнул дипломат. — А за ограбление нефтекомпании “ЮКОС” вы думаете вернуть пятьдесят миллионов долларов?.. И главное ваше преступление — захват Крыма. Вы намерены его возвратить? — Андрис почти с ненавистью посмотрел на свою бывшую жену и выругался по-латышски. — Сегодняшняя Россия — это растущий монстр, какого мир в своей истории ещё не видел, — говорил он, переводя взгляд то на бывшую жену, то на Дубровина. — Весь мир увидел, какое чудовище выползает из ворот Кремля. Проводимая вами

политика — это политика агрессии с использованием вымогательства, исчезновения неудобных людей и убийств. Причём не только в самой России, но и в других странах. Если бы вы знали, как же я вас всех презираю за этот самоуверенный тон и эту исторически непогрешимую позу! Нина, где ты нашла этого спенца, который так ненавидит мою страну?!

— Чтобы вы знали, — ледяным тоном отрезал Дубровин, — я до восемнадцати лет жил в Латвии, в Юрмале. Я напому, что на месте единой ныне Юрмалы стояли три немецких поселения: Шлокк, Дуббельне и Кеммерн. В 1883 году русские основали на юрмальском побережье государственный курорт, поскольку обнаружили здесь не только место для рыбалки, но и минеральные источники, а также целебные грязи. Подчеркну, русские основали курорт Юрмала! А советские власти его расширили и облагородили. И, кстати, сделали директорами отелей, ресторанов и лечебниц латышей. Мой отец, воевавший в составе Прибалтийского фронта, освобождал Юрмалу от фашистов, а мои родственники, племянники и внуки, живущие там до сих пор, — люди второго сорта, имеющие взамен паспортов латышский аусвайс.

— Хватит, я не хочу больше с вами разговаривать. Спасибо, Нина, за это знакомство! В моём доме меня и мою страну превратили в исадые ада. — Он хотел ещё что-то добавить, но махнул рукой и быстро пошёл на голос дочери, усмиравшей в коридоре громкий собачий лай.

Слышно было, как он жаловался Ольге, кричал, ругал жену и требовал, чтобы “этот тип” немедленно покинул квартиру. Через минуту в гостиную вбежала Ольга, шепнула что-то матери, и они вместе ушли.

Дубровин, оставшись один, начал бранить себя. В чужом месте нахамил незнакомому человеку, назначил его ответственным за все преступления страны, к которым этот “парламентёр” не имел прямого отношения... И всё это сделал в доме своей ученицы, которая не только приютила его, но и испытывает к нему, как ему казалось, какие-то тёплые чувства. Он допил коньяк и твёрдо решил, что должен хотя бы на сутки перебраться в ближайшую гостиницу, а потом, раздобыв ключи, переехать в московскую квартиру и пожить один.

В этот момент у Дубровина зазвонил мобильный телефон. По номеру он понял, что звонит Василий.

— Вы извините, Сергей Иванович, — кричал он в трубку, — но я загудел по-чёрному. Самогона я привез море, и пока мы с Петром его не жажнули, остановиться не могли. Теперь я уже в порядке и собираюсь домой. Где вы сейчас? Если в Москве, тогда я забираю вас и поедем к вам.

Решение к Дубровину пришло мгновенно.

— Я не хочу ехать домой, но если ты меня на время приютишь, тогда другое дело, — негромко ответил он.

— Пожалуйста! Теперь у меня места хоть отбавляй. Где вы находитесь?

— Царицыно. Когда ты сможешь меня забрать?

— В лучшем случае через час, у метро, — прикинул Василий.

— Хорошо, тогда договариваемся: у выхода метро “Царицыно” через час. Идёт?

— Примерно через час, — уточнил Василий.

— Хорошо-хорошо, до встречи. — Дубровин отключил мобильный и обрадовался: “Вот он, “спасательный круг”! Чем стеснять Нину Ивановну и её семью, переночую у Василия, возьму ключи от квартиры, заберу нужные вещи и буду жить один в Москве”. Благодаря принятому решению ему показалось, что по всему телу разлилось приятное тепло, и он, не церемонясь, налил себе из графина ещё коньяку и только собрался выпить, как вошла Нина Ивановна. Она быстро подошла к столу, налила себе изрядную дозу коньяку, обернулась к Дубровину и, подойдя ближе, тихо заговорила:

— Если бы вы знали, Сергей Иванович, как вы были прекрасны — и как учёный, и как мужчина, и как патриот. Да-да, как патриот! Если бы наша дипломатия и власть были бы так образованны, как вы! За вас!

Они выпили и стали молча смотреть друг на друга. И вдруг она шепнула:

— Можно я вас обниму?

Нина Ивановна быстро прижалась к Дубровина и пунцово, как девочка, покраснела.

— Но вам нельзя оставаться у меня. Он не хочет уезжать к дочери, пока вы не покинете квартиру. Правильно говорят: ревность — это боязнь превосходства другого. Поэтому я предлагаю снять номер в гостинице. Здесь, неподалёку есть небольшой отель “Царицынский”, в десяти минутах от парка.

— Спасибо, я тоже подумал о гостинице, но только что мне звонил мой друг, который привёз меня в Москву. Я на короткое время остановился у него. Мне нужны ключи от московской квартиры, уезжая, забыл, ну, и другие необходимые вещи. Я решил пожить в Москве, а там посмотрим. Надеюсь, я приспособлюсь к холостающей жизни на старости лет.

— Опять вы напрашиваетесь на комплимент, — возразила она. — Вы выглядите замечательно и намного моложе своих шестидесяти с лишним.

— Да-да, если бы так. Спасибо, как только я перееду в Москву, я тотчас вам позвоню.

— А можно на “ты”? — с какой-то очаровательной интонацией спросила она.

— Можно. Я тебе, — он сделал акцент на слове “тебе”, — позвоню, как только доберусь до деревни. Ещё одна просьба, — начал Дубровин, но Нина Ивановна перебила:

— Знаю, какая, не беспокойся, твой Принц останется у меня, заберёшь собаку, когда переедешь в Москву.

— Спасибо, — он поцеловал её в щеку, и они вместе пошли к выходу. Внезапно Нина Ивановна вспомнила о его зубах и о договоренности с дочерью о лечении, но Сергей Иванович признался, что сейчас он счастлив и забыл о существовании этой проблемы.

— Ничего с ними не станет, потерплю, займусь лечением в нашей районной поликлинике.

Они спустились на лифте и стали прощаться. Губы у неё были жаркими и влажными. Прижав её к себе, Дубровин опять почувствовал её запах — домашний и какой-то уютный. Когда они уже расставались, Нина Ивановна попросила, чтобы он позвонил, когда доберётся до места.

Сергей Иванович, оглянувшись по сторонам, вышел на улицу Медиков, затем через несколько минут свернул на Каспийскую и пошёл к метро “Царицыно”. Слева от него тянулись Борисовские пруды, громыхали проходящие рядом электрички. Он пребывал в недоумении от всего: от неожиданной поездки в Москву, от знакомства с ребятами с их горячим и таким близким теперь ему мировосприятием, от измены жены с другом юности, но больше всего его озадачило появление в его жизни Нины Ивановны. Неужели Господь и в этом случае распорядился таким образом, что, когда теряешь одно, тебе, как подарок, даже несмотря на возраст, вручается другое. Неужели Он предусмотрел и эту рокировку?

Василий приехал, опоздав почти на полчаса. Дубровин успел выпить кофе и с трудом прожевать пирожок с капустой. На всякий случай он купил в дорогу несколько пирожков и зелёную бутылку чая “Липтон”. На этот раз Василий был словоохотливее и, не переставая, рассказывал, как они с другом Петром “оттянулись по полной”. Посередине пути, когда они остановились у бензоколонки, чтобы заправиться, при ярком искусственном освещении Василий заметил, что у Дубровина глубокая ссадина на губе.

— Сергей Иванович, — подозрительно спросил он, — что это? Вас кто-то ударил?

Они сели в машину, и сосед, поглядывая искоса на Дубровина, стал приставать с вопросами. Однако Дубровин от всего отнекивался и не хотел говорить. Тогда Василий решился объяснить причины своей настойчивости. Он признался, что утром ему звонил муж старшей сестры, чтобы узнать, когда он вернётся, и, между прочим, сообщил, что около дома Дубровиных стояла полицейская машина. Зятя видел, проезжая мимо, как арестовывали какого-то бородатого мужика.

— Во-вторых, — добавил он, — зятю поступила от местных мальчишек информация о том, что полиция разговаривала и с вашей женой.

Дубровину пришлось подтвердить арест Орлова, сославшись на “Вечерние новости” по телевидению.

— Не хочу вас больше спрашивать, но знайте, Сергей Иванович, появление в вашем доме этого бородача мне не нравится. Если что, я с ним разберусь. А Нине Семёновне я верю, — ткнул он Дубровина в больное место. — Живите у меня, пока вы с ней не помиритесь.

И тут Дубровин сорвался:

— Вася, осторожнее, не лезь не в своё дело! Я останусь у тебя на пару дней. Съезжу к зубному врачу, заберу вещи, ключи и надеюсь, что ты меня отвезёшь в Москву. Я теперь буду жить там.

Больше они этой темы не касались. Проезжая мимо своего дома к жилищу Василия, Дубровин увидел, что на веранде горит свет и знакомо мерцает включённый телевизор.

Устроившись в одной из комнат в доме соседа, Дубровин позвонил Нине Ивановне и доложил, что всё в порядке. Пожелав ему доброй ночи, Нина Ивановна попросила сказать ей точный адрес места, в котором он находится. Сергей Иванович уточнил у Васи номер его дома и назвал почтовый адрес деревни.

На следующий день Василий отвёз Дубровина в поликлинику. С зубами всё оказалось не так страшно. Затем они вместе поработали: перетащили давно привезённый строительный брус ближе к дому, под навес. К обеду начали готовить курицу и купленные по дороге купаты. В это время около дома Василия остановилась белая машина доставки еды на дом.

Через минуту молодой парень с бумажками в руках постучал в окно, назвал фамилию “Дубровин” и сообщил, что ему пришёл заказ от... Он с трудом, по буквам выговорил фамилию заказчика: “Нина Ивановна Кал-ва-ит-ис”, а затем притащил несколько пакетов с едой.

Отпустив доставщика, они выложили из пакетов мясо индейки, гусиный пащтет, сливочное и растительное масло, французский багет, несколько бутылочек разного кваса, помидоры, огурцы... и в довершение всего — банку красной икры и бутылку виски. Василий тотчас приготовил бутерброды с икрой и, разлив виски, сказал:

— Ну, если так пойдёт, нам и в магазин ходить не надо, будем жить при коммунизме.

После второй рюмки Василий предложил выпить “за товарища...”. Взяв оставленную квитанцию доставки, он уверенно произнёс фамилию “Калваитис”. Дубровин объяснил, что в переводе с латышского это значит, что посылка пришла от товарища Кузнеца. И что товарища Кузнецову надо поблагодарить. Оставив Василия в доме, Дубровин вышел во двор и позвонил Нине Ивановне.

— Нина, милая моя, спасибо тебе за посылку, — начал он взволнованным голосом, — но зачем такие траты...

— Серёжа, ты столько пережил, так перенервничал, что тебе необходимо нормальное питание. У меня есть давняя договорённость с московским магазином, с которым я работаю многие годы. Они согласились доставлять тебе еду. Если тебя беспокоят мои траты, то ты компенсируешь их, пригласив меня в какой-нибудь московский театр на спектакль, когда переедешь в Москву.

— Тогда я приглашаю тебя в Вахтанговский на “Мёртвые души”, говорят, их потрясающе поставил “вахтанговец” Владимир Иванов. У меня там давний блат, так что....

— Прекрасно! — торопливо перебила она. — Гоголь — мой любимый автор. Однако, Серёжа, наша с тобой “птица-тройка” может неожиданно споткнуться и принести много неприятностей.

— Не понимаю, о чём ты?

— Серёжа, я снова звонила Самсонову. С Орловым работает следователь, и твоя фамилия фигурирует в деле. В каком контексте, Самсонов не знает. Я вспомнила наш разговор на кухне и подумала, что тебе надо сделать то, с чем ты тогда согласился.

— Так, и что я должен сделать? — насторожился Дубровин.

— Тебя в любом случае вызовут для дачи показаний к следователю или в суд. Для того чтобы избежать огласки, мне кажется, ты должен сделать упреждающий ход. Поскольку тебе нанесли травму при задержании, что я подтвержу письменно, появляясь в СИЗО у следователя тебя не обяжут. Поэтому я предлагаю тебе формальное участие в деле Орлова. Ты пишешь подробные показания, в которых объясняешь, почему ружьё оказалось заряженным, а также останавливаешься на том, что ты не решился стрелять, добровольно отказавшись от задуманного уголовного преступления. Именно эта формулировка должна быть написана.

Она вдруг замолчала и обеспокоенно спросила:

— Ты меня слушаешь или не понял?

— Стараюсь понять.

— Серёжа, всё равно то, что произошло с тобой, в той или иной форме может выплыть. А если дело получит огласку, то скорей всего информация дойдёт и до университета. Я забочусь, чтобы об этом знали как можно меньше людей. Ещё в Риге я прошла десятки кляузных и незаконных дел и научилась упреждать и обходить всякие юридические ухищрения. У следствия есть своя казуистика, но и свой порядок. Вовремя полученное признание есть факт работы со следствием во избежание незаконного обвинения.

— Когда я должен написать это письмо? — негромко спросил Дубровин.

— Сегодня. Я знаю их почту и фамилию следователя. Когда напишешь, пошли один экземпляр по интернету, а другой по почте. Третий оставь себе.

— Мне нечем записать! — рассердился он на себя.

— Я сейчас пошлю тебе СМСку с примерным текстом этого письма.

— Высылай, я постараюсь это сделать, — оглядываясь по сторонам, отвел он.

Извиняющимся тоном она добавила:

— Если мой набросок тебя не устроит, возьми из него только юридическую терминологию. Как понял?

Призывный голос Василия перебил их разговор. Дубровин отошёл подальше, вглубь участка и, поблагодарив Нину Ивановну за звонок и помощь, вернулся в дом.

Как ни упрашивал его Василий вышить ещё виски, Дубровин категорически отказался. Попросив у хозяина бумагу, он ушёл в выделенную ему комнату и принялся писать свои показания.

Утром они поехали на почту, и Дубровин отправил свои письма по назначению. Когда вернулись домой, их ждал сюрприз. Перед дверью Васиного дома на крыльце красовался чемодан, принадлежавший Дубровину. В чемодане оказались аккуратно сложенные его личные вещи, книга Достоевского “Братья Карамазовы” с закладкой и конверт с короткой запиской: “Сергей, я передаю тебе необходимые вещи на первое, летнее время. Из одежды на даче твоего ничего не осталось. Зимние вещи в Москве. Как ты ни укрывался в машине, я видела тебя с какой-то женщиной, когда ездила к Орлову с продуктами. Я далека от мысли учить тебя и упрекать, но жаль, что у тебя не хватило характера поговорить со мной откровенно. P. S.: Говорят, что жизнь — это череда расставаний, но больше всего бывает, когда с тобой даже не удосужились проститься. Нина”.

Даже в те минуты, когда Дубровин ночью хотел застрелить жену и любовника, а позже мучительно думал, как так получилось, что в одночасье всё, что крепило смысл его жизни, рухнуло, он не чувствовал такой боли, какая пронзила его в эту минуту. Только теперь перед его глазами развернулась та яма, в которую он провалился. Ему, наконец, стало ясно, что всё, что случилось с ним до этого, было похоже на драматическую импровизацию, в которой можно было искать причины и следствия, срывать в гнев ружьё, пытаться убить, горячо обсуждать свои и чужие поступки, но всё это не имело того значения, которое имели этот подброшенный чемодан и записка, похожая на удар ножом в спину.

“Вот уж действительно, — с ненавистью подумал он, — там, где мужчина ищет варианты, женщина безошибочно знает, как ударить смертельно”.

Он взял присланный том Достоевского, брезгливо задвинул чемодан в угол и бросился на диван, уставившись в потолок. Трудно сказать, сколько он так лежал, но, повернувшись набок, почувствовал, что в его плечо упирается книга. Вспомнив о закладке, он начал читать. Это был большой, подчеркнутый карандашом абзац из третьей главы о посещении Дмитрием Карамазовым Грушеньки. Начинался он так: “Невозможно даже представить себе всего позора и нравственного падения, с которыми способен ужиться ревнивец безо всяких угрызений совести. И ведь не то чтоб это были всё пошлые и грязные души. Напротив, с сердцем высоким, с любовью чистою, полною самопожертвования, можно в то же время прятаться под столы, подкупать подлейших людей и уживаться с самою скверною грязью шпионства и подслушивания. Отелло не мог бы ни за что примириться с изменой, — не простить не мог бы, а примириться, — хотя душа его незлобива и невинна, как душа младенца. Не то с настоящим ревнивцем: трудно представить себе, с чем может ужиться и примириться и что может простить иной ревнивец! Ревнивыцы-то скорее всех и прощают, и это знают все женщины”... Дубровин закрыл книгу и вслух воскликнул:

— Вот, значит, какие у неё ассоциации! Странно, кто же из нас тогда ревнивец: она, выследившая меня с другой женщиной, или я, заставший её в постели с любовником?

Дубровин помнил, что его Нина, с отличием закончившая филологический факультет МПГУ, не защитившая диссертацию из-за болезни почек и не ставшая преподавателем, вынуждена была перейти в библиотеку, предоставившую ей возможность работать на дому. Сейчас, держа в руках присланную книгу, он по достоинству оценил её выпад: только знающий филолог мог вспомнить эту главу и вклеить при помощи этого текста пощечину.

В какую-то минуту ему захотелось позвонить жене и “отхлестать” её за ту боль, которую он сейчас испытывает, но неожиданно позвонили ему. В первое мгновение почувдилось, что это голос жены, но звонила коллега по университету доцент Дитко, с которой у него многие годы были добрые отношения. Она сообщила, что на кафедре шёл разговор о нём, и ректор настроен плохо.

— Говорят, что вы, оказывается, — неожиданно подхихикнула она, — непозволительно нахамили заведующему кафедрой. К тому же, идёт упорный слух о вашем участии в демонстрации. Я, конечно, всему этому не верю, — успокаивающим тоном продолжила она, — но звоню, чтобы вы, Сергей Иванович, были готовы ко всему. В кулуарах сплетничают о новом феномене, который обозвали “ректоромпад”. Я слышала, что за последние пару недель уволили с поддесятка ректоров, и на подходе следующие жертвы. — Она передохнула и заговорила тише, словно её могут подслушать. — Прошедшие демонстрации сделали своё дело: думаю, что составлены чёрные списки, на основании которых пройдёт чистка всего ректорского сообщества. Болтают, что это вызвано переделом рынка, но, на мой взгляд, это дезинформация. На самом деле всё тесно переплетено с политикой. Нужны другие вузовские управленцы. Не исключено, что зачистка идёт под 2024 год — год пере выборов президента страны. Не могу понять только одного, почему этот процесс начался сейчас?

Ошарашенный всем услышанным, Дубровин, наконец, пришёл в себя и с трудом сформулировал ответ:

— Лето для этого, Наталья Александровна, — самый благоприятный период, когда один цикл жизни вуза уже завершён, а другой ещё не начат. Посреди учебного года всё это было бы гораздо сложнее. Спасибо вам, что позвонили и предупредили меня.

— Вы уж, пожалуйста, не сердитесь, Сергей Иванович, что испортила вам настроение, но даже Сократ нуждался в предостерегающем демоне. К тому же, я была из тех, кто не скрывал своего желания, чтобы нашу кафедру возглавили вы, а не Лев Наумович.

Впервые Дубровин на собственной шкуре понял, что означает строчка Высоцкого: “Обложили меня, обложили...” Незаметно выйдя из дома, он прошёл через калитку в ограде задней части двора и направился по тропинке в поле, где упал плашмя на землю. Так он лежал и, глядя в небо, всеми силами заставлял себя хладнокровнее отнестись ко всему, что с ним произошло. Но как ни прилагал он усилий к тому, чтобы переключиться, ничего из этого не получалось. Наоборот, чем больше он анализировал события, тем абсурднее и драматичнее они казались. Словно какой-то большой, холодный, как лёд, саван накрыл его тело и мысли и отсек любые варианты спасения. По ассоциации с прочитанным у Достоевского, он вспомнил Андрея Болконского из “Войны и мира”, как он лежал на Бородинском поле, смертельно раненный, и, глядя в небо, повторял строки, которые Дубровин запомнил ещё со школы: “Как я счастлив, что узнал его наконец. Ничего нет, кроме него. Ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!”

“А угодно ли Богу такое успокоение? — вдруг откуда-то из глубины властно прозвучал голос “другого Дубровина”. — Всё это толстовское “непротивление”, отказ от активного, насильственного подавления зла, стремление к преодолению его покорностью, смирением не есть ли философское заблуждение великого писателя? Ведь если бы не было зла, — настойчиво думал Дубровин, — разве молились бы мы, глядя в небеса, просили бы о помощи, взывали бы к Богу? А если зло есть, то это “есть” — рядом с Богом. И с этим “есть”, с этим злом, надо бороться, и она — эта борьба — тоже часть Бога, и отказываться от неё — значит не выполнять его требований”, — заключил он свои внезапно нахлынувшие размышления.

В это время со стороны местечка Благово поднялся ветерок, поползли тучи, и первые упавшие на землю капли тёплого дождя заставили Дубровина отвлечься от мыслей. Он быстро вернулся в дом, прошёл в отведённую ему комнату и принялся искать в мобильном телефоне номер заведующего кафедрой Льва Наумовича Красовца.

Когда Лев Наумович после долгих: “Алло, алло!” — наконец разобрался, кто ему звонит, кося, как и на заседаниях кафедры, “под глухого”, Дубровин по интонации понял: жди гадости. И не ошибся:

— Что же вы наделали, Сергей Иванович, — словно с трамплина понесло Льва Наумовича, — какого чёрта вы потащились на эту демонстрацию? Это же какой позор: смотреть по телевизору, как профессора университета, доктора исторических наук хватает, как преступника, полиция, заламывает ему руки и тащит в автозак. Вы, наверно, думали, что мы не узнаем, что вы затеряетесь в массовке? А поди же, пожалуйста, вас ещё и показали всему миру. Что теперь станем делать? Как вы собираетесь у нас работать? Вскоре будет заседание кафедры, и я обязан поставить в известность коллег о вашем демарше, и как они прореагируют, я не сомневаюсь. Что вы скажете на всё это?

— А вы хотите, чтобы я на ваши ложные обвинения ещё и отвечал? — перешёл в контратаку Дубровин. — Не зная подробностей, как я там оказался, что на самом деле там делал, вы по картинке на экране решили, что я преступник? Как вам не стыдно! Я сорок лет проработал в университете, выпустил сотни студентов, всегда учил их быть профессионалами и порядочными людьми, а вы хотите, чтобы я сам поступал, как трус и лицемер?

На той стороне воцарилось долгое гробовое молчание. Затем прозвучал вопрос, заданный уже гораздо более спокойным тоном:

— Так почему вы там оказались?

Дубровин взял себя в руки и неторопливо, по пунктам рассказал всё, что произошло с той минуты, когда он выбежал из ресторана и стал защищать знакомых ребят, которые никаким образом не собирались участвовать в демонстрации.

Заканчивая рассказ, он заявил, что не видит ничего предосудительного в своём поведении, и при любых обвинениях и выпадах против него продолжит работать в университете и не уйдёт с кафедры.

— Ваше право быть в этом уверенным и трактовать ваши поступки как моральный долг, — с пафосом заявил Красовец, — но вся эта история бросает мрачную тень на наш университет.

— В этом я с вами согласен: некоторые мгновения действительно имеют привкус вечности.

— Вечности и у вас, и у нашего университета теперь уже не будет, — решительно ответил Красовец. — При всём хорошем отношении к ректору и университету, последуют серьёзные сокращения. Более того, возможно, в учебном плане будет уменьшен блок гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Конечно, из них останется история и философия, но ваш любимый предмет “Старообрядчество” может быть упразднён, ибо изучает “вегетарианское блюдо”, “отделившееся” от Православия.

Лев Наумович на кафедре слыл остряком. В своё время в университете разлетелась его острота по поводу повышения пенсионного возраста: “Не переживайте, народ займётся другим делом, в царской России не было пенсий, не было электричества, а рождаемость была в три раза выше”.

Услышав, что его курс может быть сокращён, Сергей Иванович вспыхнул, хотел врезать Красовцу за всё, высказать то, что накопилось против этого человека за годы совместной работы, а сейчас — за пассаж о старообрядчестве как о “вегетарианском блюде, отделившемся от Православия”, но воздержался, поосторожничал. Он понимал, что лучше защищаться без личных оскорблений.

— А как же предложение Патриарха Кирилла об усилении молодёжной миссии Русской Православной Церкви в программах университетов? — спросил он как будто невзначай.

— Ну, это совсем другое дело. Это скорее вопрос общий, вопрос традиционного изучения религии.

— А на мой взгляд, предложение Патриарха является продолжением его общей миссионерской стратегии, направленной на воспитание подрастающего поколения, на то, чтобы Церковь была больше вовлечена в воспитание молодёжи, детей, подростков, в том числе школьников и студентов. Не исключено, что благодаря этому молодёжь станет меньше интересоваться так пугающими властью демонстрациями и митингами. А что касается старообрядчества, Лев Наумович, то Собор Русской Православной Церкви 1971 года признал старые и новые обряды абсолютно равноправными, равночестными и равноспасительными. Последние три определения, Лев Наумович, не позволят отнести мой курс к “вегетарианскому блюду”. Поэтому я не вижу повода беспокоиться и надеюсь, что вы меня поддержите.

Слова о поддержке Сергей Иванович произнёс с вызовом, ни на что не надеясь. Он прекрасно знал Льва Красовца, знал, что он никогда не протянет ему руку помощи, а наоборот, его участием в демонстрации воспользуется как поводом, чтобы взяться за Дубровина с удвоенной энергией и навсегда избавиться от старого конкурента. И не ошибся. Конец разговора касался именно его увольнения.

Каким-то трагическим голосом Красовец начал объяснять, что нагрузка на одну ставку выроста и для доцента, и для профессора до девяти сот часов вместо пятисот и семисот, которые были раньше. Соответственно, часть преподавателей останется не у дел.

— А вы, Сергей Иванович, хоть и заслуженный работник, давно пенсионер! Поэтому у вас, к сожалению, с нового учебного года будут существенные трудности.

— Вы хотите сказать, Лев Наумович, что правильнее было бы уволиться? — напрямую спросил Дубровин.

— Я бы поступил именно так. Лучше уйти самому, чем быть уволенным. До свидания.

В мобильном начались раздражающие гудки, и Дубровин, отключив телефон, бросил его на диван.

Сейчас, вспоминая всё, что с ним произошло, — невольное “участие” в демонстрации, задержание и освобождение, — а также думая об обозначившейся перспективе потери работы, он смотрел на присланные вещи, знаменующие собой предательство жены. Дубровин чувствовал, что его силы на исходе и, чтобы жить, придётся начинать жизнь сначала. Единственным светом на горизонте стала Нина Ивановна. Но и она была счастьем, которое он не заслужил...

От этого kaleidoscope мыслей Дубровина отвлек звонок телефона. Нина Ивановна говорила тихо, почти шёпотом. “Наверно, из кухни”, — подумал Дубровин.

— Сергей Иванович, как вы? Как настроение?

— Спасибо, Нина. Я только что о тебе думал. У меня всё неплохо, держусь... Ещё раз прости, что не сдержался и наговорил лишнего у вас.

— Сергей Иванович, то “лишнее” произвело неожиданное впечатление.

— Да что ты? Неужели твой муж отказался от своих планов?

— Нет, это поручение Сейма, и он от него отказаться не может. Но у нас был разговор...

— О нас с тобой?

— Да, и это было...

— Нина, дорогая моя, если бы ты знала, как я благодарен тебе за всё. Если бы не ты, не твоё появление... — Он остановился, волнение захлестнуло его. — Прости, родная, но дальше — это не телефонный разговор. Я завтра перееду в Москву, и мы встретимся. Я приглашаю тебя к себе... Мне многое надо тебе сказать...

— Сергей Иванович, ты не дослушал меня, у нас с Андрисом был большой разговор...

— Если он объяснился тебе в любви, то я его понимаю...

— У нас был разговор, к которому я впервые после развода отнеслась серьёзно. Я позвонила, потому что ничего не хочу скрывать от тебя.

Он коротко вздохнул и с тяжёлым предчувствием спросил:

— Что-то произошло, Нина?

— Серёжа, Андрис хочет вернуться к нам, в семью. Они с дочерью довели меня до слёз, и я... Я ему поверила. Он очень изменился после разговора с тобой.

В первый момент Дубровин просто не понял смысл сказанного ею. Потом до него стало что-то доходить, но он настолько был ошарашен услышанным, что не знал, как реагировать... Он что-то хотел сказать, но кроме: “Вот как?” — не смог вымолвить ни слова.

А Нина продолжала и говорила, как об уже решённом:

— Андрис возьмёт небольшой отпуск и поживёт у нас. Мы с тобой, конечно, встретимся и поговорим, но не дома. Где-нибудь в удобном месте: в кафе или в ресторане. Ты стал для меня очень важным, дорогим человеком, и я не хочу вести себя нечестно. Я должна была тебе сказать об этом. Что ты молчишь? Серёжа, прости меня. Но у меня дети... И я вдруг поняла, что все мы нуждаемся друг в друге.

В первый момент её тон и — как он чувствовал — уже принятое решение возмутили Дубровина, он хотел закричать от боли, даже наругать, но что-то его остановило — шевельнувшаяся вдруг в глубине души гордость не позволила ему потерять лицо. Он взял себя в руки и заговорил спокойно, понимая, что уже ничего не сможет изменить.

— Нина, в моей жизни было много неприятного. Но я не хочу, чтобы ты меня жалела, поэтому не надо никаких извинений. Ты вправе поступать, как считаешь нужным и как лучше тебе и детям. Я не прощаюсь, я принимаю всё как есть. До свидания, доброй тебе жизни.

Он отключил телефон и долго сидел без движения. На столе лежали яблоки, он взял одно и со всей силы ударил по нему кулаком. Яблоко сорвалось со стола и покатилося к двери, где застыло у порога. От удара сильно заныла рука, и он, наконец, пришёл в себя. А в его всё ещё полном гнева сознании возникла простая и горькая мысль: счастье приходит без стука и уходит бесшумно.

И в ту же секунду в дверь громко постучали. Он вздрогнул и тихо спросил:

— Кто там? Войдите!

Дверь открылась — и в комнату вступила его жена. Альый спортивный костюм и — в тон ему — красные кроссовки, и вся Нина — её фигура и особенно глаза — горели каким-то слепящим, провоцирующим огнём. В первое мгновение он, заметив, как она похорошела, подумал, что разлука пошла жене на пользу.

— Сергей, — начала она непривычным грудным голосом, — я пришла, потому что мне позвонил Орлов. Ему в СИЗО разрешили сделать один звонок. Он сказал, что теперь знает, кто подложил в ружьё патроны с картечью.

Дубровин вздрогнул, переместился на диване и отвёл глаза к окну, чтобы она не увидела его смущения.

— Я видела в новостях сюжет о том, как его арестовывали около нашего дома. Ему грозит не менее семи лет. И он получит этот срок ни за что! На самом деле всё было иначе.

Нина со знакомым ему движением плеч выпрямилась, подошла ближе к Дубровину и продолжила:

— Когда около нашего дома появилась полиция, Саша, убегая задним двором, забрал ружьё, чтобы нас с тобой не обвинили в незаконном хранении оружия. Практически он нас с тобой спас. А теперь, Сергей Иванович, — жена нередко обращалась к Дубровину по имени-отчеству, когда хотела выяснить что-то важное, — я хочу услышать, почему ты это сделал? Почему ты его подставил?

Дубровин, услышав, что на самом деле Орлов спасал его и жену, почувствовал, как мгновенно, словно от судороги, сжалось его тело, как оно втиснулось в край дивана и как стала покрываться испариной его спина.

— Что ты молчишь? Это правда? — выкрикнула она, стораая от стыда, предчувствуя, что сейчас услышит то, чего она больше всего боялась.

Дубровин, тяжело опираясь на подлокотник дивана, встал и, ни слова не говоря, подошёл к столу, вытащил из тома Достоевского вложенный туда третий экземпляр своего признания и протянул листок жене.

— Читай, я всё здесь написал. Всё, как было, — бросил он, стараясь не смотреть ей в глаза.

Он плеснул себе в стопку виски из оставленной на столе бутылки, одним глотком выпил, медленно вернулся к дивану и сел в угол, закинув руки за голову. Нина читала и время от времени неверящими глазами взглядывала на мужа.

— Это всё? — спросила она, осторожно положив текст признания на стол.

— А что ещё тебе надо? — злобно ответил он. — Доказательства измены? Или справку о том, что я сумасшедший?

— А ты и есть сумасшедший! Надо же такое придумать: “он увидел любовников, лежащих в постели!” Где у тебя доказательства? Если представить, что будет какой-то суд, то всем станет очевидным, что ты из ревности, — она ткнула в книгу Достоевского, — подставил старого товарища, у которого действительно в молодости были со мной, и ты это знал, близкие отношения. Да, в молодости, но не сейчас!

— Перестань врать! Пе-ре-стань! — закричал он внезапно охрипшим голосом. — Иначе я тебя сейчас ударю! Вот, вот мои доказательства.

Он схватил мобильный, трясущимися руками стал тыкать в него, пытаясь найти снятую ночью фотографию. Наконец он её нашел и со словами: “Смотри, любуйся на себя”, — показал снимок, не выпуская телефон из рук. Нина хотела присмотреться ближе, потянулась к телефону, но Дубровин оттолкнул её.

За окном перестал лить дождь, стало светлее, и в комнату пробился ярко-золотой луч, на мгновение осветивший её пылающее лицо и пунцовую, похожую на тогу палача одежду.

— Странное поведение у этих любовников, — заговорила она, барабанила пальцами по столу, — любовники оставляют входную дверь незапертой, как

извращенцы трахаются перед включённым телевизором, да ещё при этом оба одеты в верхнюю одежду. Посмотри внимательно на эту фотографию: мы, когда тебя долго ждали, то от усталости заснули прямо перед телевизором. Засыпая, я всё-таки пошла и проверила, чтобы дверь была не заперта, а вернувшись, плюхнулась рядом с Сашкой, который уже спал. Вот и вся твоя фотография! А ты пишешь, что хотел убить свою жену за измену. Какую измену? Лучше бы ты выстрелил и получил срок, чем в такой грязи обвинять меня. За всю нашу совместную жизнь я ни разу тебе не изменяла. А если бы изменила, то в ту же минуту ушла бы от тебя. И потом, зачем мне тебе изменять, если я всю жизнь люблю только тебя!

Она расплакалась и достала платок. Слёзы градом катились из её глаз, и она старалась вытереть их рукой, чтобы не растеклась по лицу тушь. Дубровин, увидев, что Нина плачет, готов был броситься к жене, но его ещё не умирённый демон ревности, а главное — обида на себя, так глупо подавшегося ему, помешали.

— Если бы ты знал, как больно видеть, что когда Господь помог нам, и я, наконец, беременна, а ты, как Смердяков, решил расправиться с самым близким человеком. Ведь я тебе, дураку, и книгу передала, чтобы ты опомнился.

Услышав о беременности, Дубровин внезапно испытал приступ головокружения — всё поплыло перед глазами... Плечи, руки и шея стали сжиматься, и ему казалось, что голова его сейчас разорвётся.

— Что ты сказала?! Ты — беременна?! — переспросил он наконец проравшимся голосом. — Это когда же произошло? Когда, я тебя спрашиваю?! Может быть, в тот день, когда я уехал? — выкрикивал он, не сдерживая своей ярости.

Она с силой схватила его руки и, не выпуская, принялась их трясти и говорила, не останавливаясь:

— Серёжа, успокойся! Остановись! Не надо злиться! Ничего у меня с ним не было! Я узнала о беременности в тот день, когда поехала в Москву искать тебя. Когда я передала еду Орлову, а тебя увидела прячущимся в машине, я не знала, что мне делать. До обратного автобуса было время, и я решила заехать в нашу поликлинику. Вначале к Кирилловой, у которой сделала рентген. И тут она, вечно недовольная Кириллова, сообщила, что мой пиелонефрит заглож и что у меня всё в порядке. А потом я напросилась к гинекологу, сказала, что у меня задержка. Она проверила: оказывается, четвёртая неделя, как я беременна.

Нина крепко обхватила Дубровина за шею и зашептала:

— Я чувствую, что у нас будет сын. Представь себе, ещё каких-то восемь месяцев — и рядом с нами будет маленький Сергей Сергеевич! — Она порывисто, как нашкодившего ребёнка, начала целовать его в лоб, в губы, глаза и, прижавшись, почувствовала, как он вздрагивает и плачет.

Вечером растроганный примирением Василий привёз Дубровиных в их дом, допил с ними остатки виски и захваченную про запас бутылку самогона и, потребовав на прощание, чтобы они не ссорились, не без сожаления уехал к себе.

Действительно, примирение состоялось, и вскоре их жизнь вошла в колею. Нина легко переносила беременность, прибавляла в весе и даже устроилась работать на местную почту. После памятного Дубровину звонка Нины Ивановны их отношения остались дружескими. А однажды вечером “нашёлся” Принц. Это Володя — сын Нины Ивановны — привёз щенка и незаметно выпустил его на участок. Принц вернулся с подарком: у калитки был оставлен пакет питания для трёхмесячных щенков.

Несмотря на посланные в СИЗО письменные показания, Дубровина вызвали вначале к следователю, а затем в суд. Туда он поехал вместе с Ниной. К удивлению Дубровина, в коридоре и зале Краснопресненского суда оказалось много известных людей: политологов, блогеров, журналистов с видеокамерами. Все они знали Орлова, сочувствовали ему, и видно было, что готовы его поддержать. В коридоре, как со старыми друзьями, Дубровин поочередно поздоровался с большой компанией учеников Орлова.

Сам Орлов, увидев ненадолго заглянувшего в зал Дубровина, дружески кивнул ему из-за решётки. Больше всех ему обрадовался Виктор. Он протиснулся ближе и шепнул Дубровину на ухо:

— Спасибо, Сергей Иванович, вы нас спасли!

Заседание, хоть и с небольшим опозданием, наконец, началось. Против Орлова выдвигались серьёзные обвинения как за прошлое — участие в несанкционированных митингах и демонстрациях, так и за сопротивление полиции при нынешнем задержании. Было видно, что судья придерживается обвинительного уклона вместо того, чтобы беспристрастно осуществлять правосудие. С каждым новым выступлением свидетелей становилось ясно, что наказания Орлову не избежать. Открытым пока оставался вопрос, какой срок ему могут дать.

Интересно, что в качестве свидетелей никого из учеников Орлова не вызывали. А на ряд выступлений коллег Орлова ученики отреагировали возмущённым гулом и свистом. Однако грозный окрик судьи и предупреждение об удалении сделали своё дело, и ребята умолкли. Только когда объявили, что свидетелем вызывают Дубровина, молодые люди заволновались и с надеждой уставились на появившегося из коридора Сергея Ивановича. Дубровин после привычной судейской процедуры представился, назвав все свои регалии. Он сообщил о том, что знает подсудимого не один десяток лет и всегда считал его талантливым историком и педагогом; коснулся своих признательных показаний и публично извинился перед Орловым.

Судья уже собиралась остановить его выступление, когда он неожиданно сказал:

— Ваша честь, поскольку сегодня судят историка, то позвольте с точки зрения этого предмета сказать ещё несколько слов.

— Пожалуйста, господин профессор, — несколько иронично произнесла судья, — только коротко и по существу.

— Ваша честь, находящийся сейчас за решёткой историк и педагог Александр Васильевич Орлов со всех точек зрения имеет право и на уважение суда, и на его снисхождение. Я очень признателен нашему президенту, что он говорит о советском периоде с чувством благодарности. И, давайте скажем честно, — с этими словами Дубровин окинул взглядом зал, — действительно по всем показателям в сравнении с той эпохой мы не создали системы устойчивого развития и мало что сделали, чтобы выйти из бедности и даже нищеты. Цифры вы знаете, и я не намерен их повторять. Ваша честь, вы — опытный судья и знаете их без меня. Часто о существующих у нас недостатках с горечью говорит и наш президент. Что поделаешь, мы все беспечно “дожёвываем” созданное предыдущими поколениями.

Судья постучала в микрофон и громко заявила:

— Господин Дубровин, пожалуйста, говорите по существу.

— Ваша честь, ещё несколько слов, и я перейду к существу дела. Итак, пока мы безуспешно ищем наш исторический путь. На сегодняшний день результатом наших “исканий” стало появление кучки сверхбогатых людей; нефть стала дороже, человеческая жизнь — дешевле, будущее — неопределённое. Одним словом, если перефразировать одного мыслителя, мы в ловушке.

— В ловушке не мы, а вы, господин Дубровин. И никак не хотите из неё выйти. Ещё две минуты, и я прерву ваше выступление.

— Ваша честь, подсудимый Орлов — преподаватель, он учит подрастающее поколение. Сегодня в сложившихся обстоятельствах нам нужно не просто достойное молодое поколение, а великое. Такое великое, как наши отцы и деды, защитившие нашу страну от варваров. Это поколение можно сделать великим, если с ним говорить честно и исповедовать правду. Если этого не будет в университете, в школе, если мы будем продолжать нашим ученикам лукаво сочинять наше прошлое и настоящее, мы получим поколение холопов и приспособленцев.

На последних словах раздались аплодисменты, а Виктор крикнул:

— Правильно!

— Ваша честь, я заканчиваю. Наши учителя обязаны сегодня не только учить согласно школьной программе, но и честно говорить с молодёжью

на самые острые темы о том, как выйти из тупика, в котором оказалась наша страна, о том, какими целями заинтересовать наших людей, о том, какими новыми проектами занять нашу огромную территорию и многомиллионный народ, и, главное, о том, как нацелить наше подрастающее поколение не на потребление, а на созидание. Посмотрите в зал, ваша честь, половина из присутствующих здесь — молодёжь, это ученики Орлова. — Зал загудел, раздалось аплодисменты. — Ваша честь, перед вами подсудимый, который любит Россию, знает, как помочь ей, и, главное, знает, как и чему надо учить ребят, которые сейчас так искренне волнуются за судьбу своего учителя. Ваша честь, будьте благоразумны, не оставляйте в истории ваше имя запятнаным несправедливым приговором. Освободите Орлова.

Виктор вскочил и, агитируя всех, начал кричать:

— Свободу Орлову! Свободу!

На этот раз в зале поднялся гвалт и послышались крики. Через несколько минут приставы с трудом вывели из зала Виктора и ещё двух ребят. После речи прокурора и защитника обвиняемому дали последнее слово. Орлов встал, крепко схватился руками за решётки и, оценивающим взглядом окинув зал, начал:

— Ваша честь, сегодня я должен сказать людям и, прежде всего, моим ученикам обо всём, что происходит в этом зале. Я не буду прибегать ко всяческим расплывчатостям и туманностям. Сегодня как никогда надо говорить то, что думаешь, говорить честно и понимать, что каждое слово неправды когда-нибудь отзовется.

Будем откровенны: мне задают вопросы не для того, чтобы услышать ответы, меня намерены осудить не за сопротивление при аресте, а за то, что я учу ребят старым истинам — знать мир, который нас окружает, уметь ему противостоять, когда он несправедлив, и всегда быть самими собой. Возможно ли всё это в наше время? Ни для кого не секрет, что сегодня мы на каждом шагу сталкиваемся с враньём и грубой силой, при помощи которой с нами разговаривает власть. Силой можно душировать, тащить, сажать — и всё это со мной уже делали. Но силой и враньём нельзя ничего доказать. Здесь, в суде, никто мою вину не доказал. И я уверен в своей правоте и невиновности. Громко заявляю, что я не сопротивлялся при задержании, никого не бил и не боксировал с оперативниками Козловым и Грековым. Свидетель Дубровин признал, что именно он зарядил картечью подаренное мной ему ружьё. Так что и по этому факту, кроме свидетельств сотрудников полиции, у суда нет доказательств того, что я якобы был вооружён при задержании. Я умею признавать свои ошибки, и если бы мне правдиво и с привлечением фактов рассказали и доказали, что я сделал что-то противоправное и незаконное, я бы это признал. Поэтому повторяю: я не совершил никакого преступления. У вас, ваша честь, есть желание видеть только то, что удобно видеть. Каждого гражданина нашей страны волнуют происходящие процессы. Ни для кого не секрет, что Россия превратилась в государство, где всем управляют бессовестные олигархи, бороться с которыми президент бессилен. Горстка богачей владеет миллиардами, а народу с их стола переппадают крохи. — Орлов обвёл взглядом сидящих в зале и увидел в лицах людей одобрение. — Уважаемый суд! В своём последнем слове я хочу сказать следующее. Предъявленное мне обвинение строится на противоречивых и взаимоисключающих показаниях сотрудников полиции, беспристрастность которых вызывает большое сомнение. Так, во время суда не было представлено ни одного факта, доказывающего, что я совершил все те действия, в которых меня обвиняют. Напротив, все рассмотренные в ходе суда видеоматериалы и показания свидетелей защиты со стопроцентной уверенностью говорят о том, что я невиновен. Моя позиция — это не упрямство и не политический пиар, я думаю, что честный, порядочный человек не должен признаваться в том, чего он не совершал, даже если это и облегчит его участь. Скажу больше: в двухтысячном году я впервые участвовал в выборах, я голосовал за новый курс государства. Тогда, как и многие другие, я ещё испытывал некие иллюзии в отношении правящего олигархического класса. Позже, переосмысливая переворот 91—93 годов и последовавшие за ним события, я понял, что нынешнее

сползание страны к лженародоправству является абсолютно естественным и последовательным продолжением совершённого Ельциным и его преступной командой. И единственное, что мы, люди, населяющие Россию, получили в результате преступного разрушения государства его верхушкой при поддержке Запада и попустительстве большей части народа, — это чувство безысходности и страха за своё будущее. Простые граждане, к сожалению, не испытывают личной ответственности за ситуацию в стране...

— Хватит! — громко заявила судья. — Нам всё ясно. Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора.

Во время ожидания приговора, все, находящиеся в зале, комментировали речь Орлова и не могли успокоиться. Вскоре по поведению конвойных стало понятно, что наказание неминуемо.

Шум затих только тогда, когда объявили приговор. Три года исправительных работ в колонии общего режима. В зале раздался свист, стали стучать и топтать ногами. Судья быстро покинула зал, а конвойные, видя, что народ единодушен, не тронулись с места.

Когда Дубровин выходил из зала, в конце последнего ряда он увидел Ни ну Ивановну. По глазам её прочитал, что она довольна его выступлением. Незаметным для других жестом она показала, что рада его видеть и что ей понравилась его жена.

После суда они приехали в московскую квартиру, чтобы взять зимние вещи и нужную литературу: Дубровин давно собирался написать статью. В почтовом ящике он неожиданно нашёл уведомление с вызовом в университет на заседание кафедры.

Дубровин немедленно позвонил в кадры, где ему сухим отрешённым голосом сообщили, что он уволен по сокращению штата. Он бросился звонить заведующему кафедрой Красовцу, потом декану — никто не брал трубку. Тогда Сергей Иванович стал лихорадочно прикидывать, кому бы позвонить, чтобы проконсультироваться о том, законно ли его увольнение и можно ли теперь что-то сделать.

К счастью, в связи со сломанной ногой и послековидной реабилитацией дома оказался знакомый адвокат Алексей Львович. Когда Дубровин сообщил ему о своём увольнении, адвокат, прежде всего, спросил о том, когда именно было послано уведомление. После того как Сергей Иванович сообщил, что уведомление послано более двух месяцев назад, Алексей Львович расстроился.

— Формально, предупредив вас за два месяца, они всё сделали правильно. — Но затем обнадеживающе добавил: — Хотя с увольнением слегка поторопились.

— Что же теперь делать? — спросил Дубровин в отчаянии.

— Борьться и восстанавливаться!

— Как? — не поверил своим ушам Дубровин.

— Есть процедуры, которые они нарушили. Первое: увольнение пенсионера по причине сокращения штата происходит на общих основаниях, но при этом согласно статье 179 Трудового кодекса Российской Федерации преимущественное право на оставление на работе имеют специалисты с более высокой квалификацией. Если мне память не изменяет, вы доктор исторических наук и профессор, так?

— Да, это так! — с надеждой отозвался Дубровин.

— Второе: вас обязаны были предупредить о предстоящем сокращении за два месяца письменным уведомлением. Это они сделали. Но, повторяю, сделали, по факту нарушив процедуру.

Алексей Львович громко вздохнул и продолжил, явно получая удовольствие от того, что найден ход для защиты.

— В полученном вами уведомлении должно быть указано, что вы увольняетесь в связи с сокращением штата по истечении указанного срока со дня получения уведомления, а также сведения об отсутствии вакансий, в связи с чем вы не можете быть переведены на другую работу. И последнее: с этим документом вас обязаны были ознакомить под роспись. На уведомлении есть ваша роспись?

— Нет, я всё время был на даче.

— Всё! У вас есть все основания подавать в суд и восстанавливаться. Вы готовы это делать?

— Да, и обязательно! — воскликнул Дубровин.

— Вас не пугает, что это непростая и длительная борьба?

— Сегодня меня ничто уже не пугает.

— Тогда приезжайте ко мне домой, мы подготовим документы и ожидаем в суде решение о вашем увольнении. Когда вас ждать? — требовательно спросил адвокат. — Я со сломанной ногой сижу дома и приму вас в любое время.

— Я готов приехать к вам хоть завтра утром.

— Договорились. В девять утра у меня! — Алексей Львович продиктовал свой адрес, и они попрощались.

Только после разговора с адвокатом Дубровин рассказал жене об увольнении. Нина отреагировала на сообщение довольно спокойно.

— А что ты удивляешься? — спросила она, набивая чемоданы зимней одеждой. — Ты вышел на тропу войны, придётся привыкать сражаться.

Позже, обняв мужа, добавила:

— Я теперь, Серёжа, ничего не боюсь. У меня такие доспехи, что никакие страшилки мне не страшны. Во-первых, сдадим квартиру, а это уже кое-что. Во-вторых, без пенсии тебя не оставят, а потом — материнский капитал, моя работа на почте... Мы с тобой, дорогой мой, ещё миллионерами станем, потому что в своём доме и углы помогают. Кстати, я всё продумала: на день рождения я подарю тебе с десяток голландских кур, обязательно заведём поросёнка и коз. Козье молоко детям особенно полезно. И будем, как староверы, креститься двумя перстами и жить долго и счастливо.

Однако бросить университет, жить без нормального заработка в ожидании рождения первенца, рассчитывать на одну пенсию и жену, готовую без устали работать на хозяйстве, для Дубровина было невысказано. В нём закипела бунтующая кровь того мальчишки, который, несмотря на годы, жирок и усталость, жив был в нём и поныне и умел постоять за себя в любых обстоятельствах.

Дубровин энергично начал собирать необходимые документы. За три дня они с Алексеем Львовичем управились со всякого рода необходимыми бумажками и, благодаря связям адвоката, дело без проволочек было принято в суд. Теперь оставалось ждать назначения судьбоносного дня заседания суда. Шло время, Дубровин звонил Алексею Львовичу, но суд всё время откладывали на основании сделанного ходатайства о том, что ответчику требуются дополнительные документы для подтверждения увольнения. Заканчивался сентябрь, а суд, используя бесконечные юридические формальности, всё переносили и переносили с одного числа на другое.

Неожиданно на дачу к Дубровину приехал Виктор со своими ребятами. Радости и счастью не было конца, сделали шашлык, пили пиво и даже вино. В какой-то удобный момент любимица всех мальчишек Виктория сообщила о том, что в их школе появился новый директор, и она не возражает, чтобы вместо Орлова начал работать историком Дубровин. Тут вся компания бросилась его уговаривать, особенно Виктор, заявивший, что только такая рокировка будет правильной. И Дубровин дрогнул, сказал, что готов согласиться, но хочет знать имя директора, который уволенного из университета почти с волчьим билетом человека не боится пригласить преподавателем.

К концу вечера всё, наконец, выяснилось. На дороге появилась знакомая машина “Киа”, принадлежавшая сыну Нины Ивановны Володе. Он передал Дубровину конверт с запиской: “Уважаемый Сергей Иванович, я ушла из английской спецшколы и назначена директором в школу, где преподавал Александр Орлов. Предлагаю занять его место учителя истории”.

Далее был указан адрес и сумма почасовой оплаты работы. Проставленные в записке цифры недвусмысленно говорили о хороших финансовых перспективах, ожидающих Дубровина. В самом конце стояла приписка: “Если вы согласны, пришлите на почтовый адрес школы соответствующие документы для оформления. С уважением, директор средней школы Н. Калвайтис”.

В первый момент Дубровин невообразимо удивился: судьба вновь соединяет его с Орловым, а проводником этого становится женщина, сыгравшая в последнее время немалую роль в его жизни. Сергей Иванович позвонил Нине Ивановне, рассказал о затянувшейся истории с судом и поблагодарил её за предложение работать вместе. На вопрос, есть ли у него время подумать, Нина Ивановна ответила:

— На календаре конец сентября, так что времени нет. Поэтому, если вы согласны, мы готовы оформить вас на работу по совместительству, пока ваш вопрос не решён. Так что пришлите мне заявление, копию паспорта и диплома об образовании, а трудовая книжка пусть остаётся в университете. Сумеете восстановиться, слава Богу. А пока я поставила вести историю выпускницу МГУ, которая и в дальнейшем будет вам помогать.

* * *

Всё, что с ним случилось в это короткое время, не разрушило его, а наоборот — настроило на работу. Он стал ежедневно писать по несколько страниц. Текст этот не имел ничего общего с тем, что пережил Дубровин. Скорее это были наброски к большой работе, которую он намеревался осуществить в будущем.

Событийным рядом его замысла была идея проследить хронологические периоды и эпохи в истории России, разобраться в прихотливой цепочке неслучайных случайностей. Он писал: “Окидывая взглядом немалый период русской истории, мы видим, что после Петровских реформ и державного взлёта при Екатерине Великой шла незатихающая перестройка, замирая в какие-то совсем уж бестолковые периоды и набирая темп в последующие. К слову сказать, все реформы в России были неорганичными, двойственными, и новое поколение, как правило, сомневалось в успехе предыдущего. Но если Пётр был “вечным работником на троне”, то дальше всё чаще выплывали и влияли на власть люди “со специальным умом”, и перестройка хоть и шла, но трудно, рывками, через заговоры, бунты, а ближе к революции и вовсе превратилась в распутинский шабаш. В результате Октябрьской революции началась новая перестройка. Пришло время реализации давних идей староверов, переименование страны, новых рывков и истинных побед. Потом наступила эпоха наращивания мышц. Время лозунгов “догнать и перегнать”, безмерного хвастовства, поздних прозрений и новых заблуждений. И, наконец, дожили до полной смены декораций, бездумного равнения на Вашингтон и стремительного погружения на дно, с распадом ещё крепкого государства, системы национальных ценностей и распродажей ловкой челядью того, что сообщалось веками. На этот раз запустили бесов, доселе невиданных, поработавших на славу, да так, что виновных не оказалось, потому что удалось сделать виноватыми всех. “Специальные люди” доказывали безответному большинству, что всё прошлое похоже на большую загогулину, и многие под это отпевание истории своего Отечества получили негласное право на его скорейшее разрушение. Поэтому за всей приблизительностью того, что происходит вокруг, за всей имитацией властью государственной заботы о своей усечённой территории видно было, что в этой огромной стране самостоятельное восхождение закончилось и точка невозврата пройдена. Кроме того, очевидным стал тот факт, что новая власть мошенническим приёмом передала коллективное богатство российского народа в частные руки, а теперь новые хозяева собираются продать его “специальным людям”, одновременно подвергая население почти неприкрытому геноциду. Но решающим событием было даже не это, а то, что у вековечно тянущегося к справедливости народа впервые появилась прежде не свойственная ему убеждённость, что отныне за главные произошедшие в стране преступления наказание уже никогда не последует. Фактор предательства совершился”.

Когда Дубровин показал свои наброски жене, Нина не удивилась:

— Правильно говорят: “Чем добрее душа, тем сложнее судьба”. В твоём тексте, Серёжа, много горечи, а ведь ты человек добрый, верующий.

Ты обижен, и потому не всё видишь объективно. Взгляни, какие сейчас необыкновенные пошли дети! Помнишь, мы ездили в магазин, мальчишка увидел, что я с намечающимся животом беру тяжёлый арбуз, подскочил и перенёс его в тележку для продуктов. И сделал это, ни слова не говоря и не ожидая благодарности. У нас ещё ничего не потеряно, если растёт такое поколение. Я сейчас стала много читать, сижу с животом, прислушиваюсь, разговариваю с ребёнком и вместе с ним размышляю: сегодня Россия, как Илья Муромец, стоит на развилке трёх дорог. А нужно пойти чистым полем. Беда в том, что навигатора у нас нет, и этот путь пока не обозначен. Помнишь русские сказки? “Пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что”. Найти новый путь — вот цель, ради которой стоит работать и жить. Нам всем сейчас тяжело, и кажется, нет сил, кажется, что нас кризис доконал. Неправда. Просто надо выстоять! Дождаться притока свежих сил. Главное — выстоять! На подходе новое поколение. Ради него надо работать, потому что именно Россия возглавит возрождающуюся цивилизацию Земли, и центром этого возрождения всего мира станет Сибирь. У нас в аудитории МГПУ на стене были написаны слова Петра Первого: “Учение доброе и основательное есть всякой пользы Отечеству, аки корень и основание”. А твоё эссе я закончила бы цитатой: “Поблагодарите Бога, прежде всего, за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России”.

Прошло две недели, и Дубровин, так и не дождавшись суда, поехал на своё первое занятие в школу. Нина Ивановна хотела его представить, но он уговорил её этого не делать. У него не было желания вспоминать свои регалии, достижения и успехи. Когда он вошёл в аудиторию, весь одиннадцатый класс встал, и видно было, как счастливы ребята. В их внимательных и вдумчивых взглядах он прочитал ожидание. И вопрос. Вечный вопрос молодых к старшему, опытному и мудрому человеку: “Как нужно жить? Как не делать ошибок? Как прожить свою жизнь осмысленно и ярко?” В эту минуту Дубровин почувствовал, что волна высокого, почти священного вдохновения захлестнула его. “Наверно, то же самое ощущал Пушкин, когда писал своё знаменитое “Товарищ, верь!..” Клянусь, я никогда не солгу и не обману их доверие и надежды”, — пообещал он мысленно и начал свою первую лекцию.